ЗАПАДНО-РУССКАЯ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

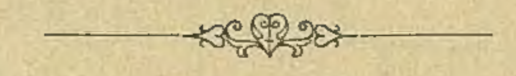
М. Довнаръ-Запольскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, 95.
1897.

Глубокоуважаемому
Михаилу Алексеевичу Веневитинову
от автора.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ
СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
ВЪ XVI ВѢКѢ.

М. Довнаръ-Запольскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, 95.
1897.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, іюль 1897 г.

Въ послѣднее время по вопросу о сельской общинѣ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства появились въ литературѣ два противоположныя мнѣнія. Проф. Владимірскій-Будановъ въ весьма удачной статьѣ своей о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ [1]), указавъ на немногочисленныя данныя о сельской общинѣ, извѣстныя изъ изданныхъ источниковъ, пришелъ къ заключенію о существованіи сельской общины въ западно-русскихъ земляхъ. Главная основа западно-русской общины—общинное владѣніе землей. „Земли всего села,—говоритъ почтенный ученый,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что это послѣднее можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортяхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка совершается сообща“ [2]). Въ непосредственной связи съ сельскою общиною находится община волостная, потому что „административное единство волости состоитъ въ весьма близкой связи съ хозяйственнымъ и землевладѣльческимъ значеніемъ ея“ [3]). Хотя авторъ и предвидитъ возраженія, вслѣдствіе неполноты нашихъ свѣдѣній, какъ о сельской, такъ и о волостной общинѣ, но тѣмъ не менѣе приписываетъ волости широкое значеніе въ сферѣ имущественныхъ интересовъ: въ числѣ волостныхъ распорядковъ „важнѣйшіе относятся къ распредѣленію земельныхъ имуществъ;

---

[1]) *Кіевскій Сборникъ*, изд. подъ ред. *И. В. Лучицкаго*, Кіевъ, 1892 г

[2]) Ibid., p. 377.

[3]) Ibid., 380.

отсутствіемъ данныхъ трудно объяснять отсутствіе самаго института разъ есть хотя бы и слабые на него намеки“ [1]).

Совершенно иначе представляется данный вопросъ г. Любавскому. По его мнѣнію, „явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахотными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости“ [2]). Хлопоты крестьянъ о цѣлостности волости, участіе ихъ въ общихъ повинностяхъ, появленіе цѣлой волости на судѣ, существованіе общинныхъ угодій—все это можетъ быть объяснено, какъ „простая сосѣдская и повинностная солидарность“. „Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для своего утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ „... намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія“ [3]).

Само собою разумѣется, что общее владѣніе землею служитъ весьма важнымъ признакомъ существованія общины. Но и самые усердные защитники общины склонны признавать за главный признакъ общинной жизни не тотъ или иной способъ владѣнія землею, а самый фактъ владѣнія, когда община по отношенію къ общинному имуществу является юридическимъ лицомъ [4]). Кромѣ связи по общинному владѣнію землею (хотя бы въ видѣ угодій), община соединена цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ [5]). Все это уже представляетъ признаки общинной жизни.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію формъ общинной жизни въ Западной Россіи, необходимо указать на то, что изслѣдователю приходится наблюдать общину при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ.

Наши источники—преимущественно акты, вышедшіе изъ государственной канцеляріи. Эти акты рѣдко касаются деталей внутреннихъ распорядковъ областной жизни. Но и независимо отъ источниковъ самое теченіе исторической жизни въ литовско-русскомъ государствѣ складывалось неблагопріятно для полнаго развитія общинныхъ порядковъ. Первая половина XVI вѣка—время постепеннаго закрѣпощенія крестьянства и развитія крѣпостнаго землевла-

---

[1]) Ibid., p. 383.

[2]) Областное дѣленіе, p. 470.

[3]) Ibid., p. 468.

[4]) *Кавелинъ*, Общинное владѣніе, pp. 15 и 11.

[5]) Ср., напримѣръ, *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, С.-Пб., 1877, p. 136.

дѣнія въ связи съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей. Рядомъ съ этимъ правительство да и частные владѣльцы усиленно перестраиваютъ и городскія общины, отрывая ихъ отъ волостныхъ, и сельскія на нѣмецкое право, съ которымъ неразлучно связывалась и волочная система. Всѣ эти условія разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Тѣмъ не менѣе, слѣды ея гораздо ощутительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется имѣть въ виду преимущественно волостную общину. Проявленія общинной жизни села весьма незначительны; въ источникахъ не всегда возможно отдѣлить село отъ волости, такъ и само понятіе о селѣ не отличалось полною опредѣленностью, какая имъ придается теперь. Въ половинѣ XV вѣка, напримѣръ, волость имѣетъ весьма неопредѣленное значеніе: великій князь Казимиръ даетъ одному земенину „волость у Богдановичохъ селе" всего 8 человѣкъ [1]), причемъ волость является видовымъ понятіемъ по отношенію къ селу. Только къ началу XVI вѣка волость и село пріобрѣтаютъ болѣе точный смыслъ, при которомъ волость понимается, какъ административная единица съ извѣстнымъ центромъ—городомъ, замкомъ. Но нѣтъ надобности думать, что центральное правительство устанавливало само географическіе районы волостей: оно, конечно, воспользовалось уже существовавшею организаціей. Нужно, притомъ, принять въ расчетъ, что въ Западной Россіи, какъ и въ Московскомъ государствѣ, села были весьма незначительны: *сельцо* чаще всего состояло изъ 1—5 дворищъ, службъ или жеребьевъ [2]).Въ основѣ дворищъ лежитъ семейно-родовая организація. Союзы дворищъ и службъ и составляли сельскую или волостную общину. Но даже и въ половинѣ XVI вѣка волостныя общины были невелики: Гомельская волость состояла изъ 32 селъ, въ которыхъ было всего 88 службъ или 202 дыма [3])—ве-

---

[1]) Книга данинъ велик. князя Казимира, стр. 6, документовъ, издаваемыхъ мною при Моск. арх. мин. юст. (въ отд. оттискахъ это изданіе выйдетъ подъ заглавіемъ „Акты Литовско-русскаго государства", т. II. Ссылки на *первый* томъ Актовъ Литовско-русск. госуд. дѣлаются на документы, издаваемые мною въ „*Чтеніяхъ*" Общ. Ист. и Др. Росс. Такъ какъ оба изданія выйдутъ въ свѣтъ въ весьма непродолжительномъ времени, то считаю болѣе удобнымъ ссылаться не на листы рукописей, а на страницы обоихъ томовъ).

[2]) См. *Леонтовичъ*, „Крестьянскій дворъ и пр." въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г.

[3]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, p. 343.

личина нашего небольшаго села. Въ Гомельской волости былъ одинъ ея представитель — старецъ. Но иногда, хотя извѣстная территорія выступаетъ передъ правительствомъ — какъ одинъ округъ, волость, въ ней, однако, оказывается по нѣскольку общинъ съ отдѣльными представителями-старцами. Иногда сами правительственные документы даютъ поводъ думать, что въ волости по нѣскольку старцевъ [1]), а изъ описанія Оршанской волости мы узнаемъ, напримѣръ, что въ каждомъ селѣ, величиною около 20 дымовъ, былъ старецъ [2]), слѣдовательно волость дѣлилась на нѣсколько сельскихъ общинъ, слагавшихся въ одну волостную. Въ виду этого вполнѣ правдоподобно, что центромъ общинной жизни было не село собственно, а волость [3]).

Мы начнемъ наше знакомство съ западно-русскою общиной не съ положительной ея стороны, а, такъ сказать, съ отрицательной. Община въ изслѣдуемый моментъ падаетъ; съ изученія причинъ распаденія ея мы и будемъ знакомиться съ ней. Борьба волостей съ врядниками на податной почвѣ является тою стороной общинной жизни, которая чаще всего встрѣчается въ нашихъ источникахъ.

Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ повсемѣстно еще въ началѣ XVI вѣка повинности раскладываетъ скарбъ не на каждаго плательщика налоговъ, но на цѣлую волость; волость уже дѣлаетъ самостоятельно разрубы на отдѣльныхъ плательщиковъ. Финансовые интересы были для волости самыми острыми интересами. Каждый державца хотѣлъ собрать съ волости возможно большее количество волостельскихъ доходовъ; рядомъ съ податьми державцы или его слуги устанавливали новины. Между тѣмъ благосостояніе волости уменьшалось отъ раздачи селъ и дворищъ служилымъ людямъ, отъ того, наконецъ, что крестьяне уходили изъ волости на помѣщичьи земли и пр. Вслѣдствіе этого происходили столкновенія между урядомъ и волостью; волость обращалась къ королю. Мы возьмемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Эти примѣры наглядно покажутъ намъ, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находилась волостная община.

Около 1536 г. королю жаловались представители Могилевской во-

---

[1]) Кн. Записей Лит., XV, л. 172.

[2]) *Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-русск. госуд., т. II, р. 122 и сл.

[3]) Ср. *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 26. На сѣверѣ Россіи и въ настоящее время сельская община составляется иногда изъ 20 и болѣе поселковъ, столь же небольшихъ, какъ и западно-русскія сельца, ср. *Соколовскій*, op. cit., стр. 161 и сл.

лости на державцу своего кн. Вас. Ив. Соломорецкаго. Оказывается что волощане могилевскіе заключили съ Соломорецкимъ договоръ объ отбываніи подводной повинности: крестьяне за освобожденіе отъ натуральныхъ повинностей обязались дѣлать державцѣ извѣстный ежегодный взносъ. Между тѣмъ Соломорецкій установилъ въ волости своихъ десятниковъ, которые грабятъ крестьянъ, берутъ у нихъ подводы, въѣзды; подать съ дыма державца повысилъ съ 2 гр. въ годъ до 20; державца самъ назначилъ въ волости старца, но этотъ старецъ началъ чинить всякія „драпества" и „тяжкости", такъ что и волость опустошилъ. Бирчіе собрали большую дань, а между тѣмъ не дали волости отчета, „где оныи пенези, што у нихъ выбирали, обернули". Люди начали расходиться изъ волости. Господарь требуетъ, чтобы державца „учинилъ справедливость во всѣхъ рѣчахъ" подданнымъ передъ двоняниномъ господарскимъ; староста могилевскій долженъ во всемъ поступать „подле давного обычая" и такъ относиться къ подданнымъ, чтобы „пожитки наши господарскіе не были заронены", подданные „къ убожеству не приходили" и господарю „докуки не чинили" [1]). Дѣло было настолько серьезно, что господарь не только издалъ строгій указъ на имя державцы, но и точно установилъ податныя обязанности могилевцевъ, на основаніи прежнихъ уставовъ. Въ уставѣ точно опредѣленъ волостельскій и господарскій доходъ, сроки сбора платежей, повинностей и пр. Но что касается права волости на самообложеніе, то оно поставлено подъ контроль державцы: волость не имѣла права „кидать метовъ" на подданныхъ безъ вѣдома и воли державцы, „бо для таковыхъ метъ ихъ подданнымъ нашимъ тяжкость великая ся деетъ и многии з нихъ оттого и прочъ росходять", и дань господарская гинетъ [2]).

Такимъ образомъ, оставляя строй общественной жизни неприкосновеннымъ, правительство предоставляетъ себѣ право контроля.

Весьма любопытны тяжбы Кричевской волости съ своими намѣстниками. Въ 1522 году волощане кричевскіе жаловались на своего намѣстника кн. Вас. Семен. Жилинскаго. Король призналъ справедливость ихъ жалобъ; а между прочимъ крестьяне жаловались, что когда они кладутъ между собой разметъ, то и князь Жилинскій садится съ ними „на тыхъ розметахъ... и с того собе не мало на нихъ пенезей береш". Король категорически приказываетъ намѣстнику не

---

[1]) Акты лит.-русск. госуд., т. I, № 235.

[2]) Ibid., № 241.

въѣзжать въ волость на полюдье, не садиться на разметахъ и запретить своимъ урядникамъ садиться. Король прибавляетъ, что въ данномъ случаѣ онъ только подтверждаетъ болѣе раннюю пергаменную уставу [1]). Въ самомъ дѣлѣ въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ въ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостяхъ порядокъ, существовавшій во времена Витовта и великаго князя Сигизмунда: по этой грамотѣ возстановлялись права крестьянъ на самостоятельный сборъ дани (слѣдовательно и на разметы) подъ условіемъ аккуратнаго взноса ея; намѣстники и писаря не должны были въѣзжать въ волость [2]). Однако намѣстники мало считались съ волею короля. Въ 1554 году крестьяне Чичерской волости вели интересную тяжбу съ своимъ намѣстникомъ п. Юріемъ Зеновьевичемъ. По поводу ихъ жалобы король даетъ весьма подробную уставу жителямъ. По интересующему насъ вопросу о разметахъ грамота устанавливаетъ новое положеніе: волощане не имѣютъ права метать метовъ безъ „вѣдомости" державцы „и разрубливати, але кгды потреба вкажеть для платовъ нашихъ господарскихъ, або для якое слушное потребы волостное розрубъ чинити и метъ метати"; при разрубахъ и метахъ долженъ присутствовать самъ державца и его вижъ; если нѣтъ самого державцы, то „зъ ведомостью" его намѣстника и „вижа" [3]). За крестьянскою общиной, какъ видимъ, остаются еще права на раскладку податей, но подъ сильною опекой врядника; община имѣетъ также право самообложенія, но опять таки подъ контролемъ державцы.

Такъ быстро шла ломка стародавнихъ обычаевъ. Мы уже упоминали объ уставной грамотѣ задвинскимъ и подпѣпрскимъ волостямъ. Кромѣ Чичерска и Кричева, въ числѣ ихъ упомянуты слѣдующія волости: Озерищская и Усвятская, Любошанская, Пропойская, Горвольская, Рѣчицкая, Мозырская и Свислочская. Любопытно прослѣдить и здѣсь, какіе успѣхи дѣлали врядники. Въ 1535 году королева Бона изъ особой „бачности" своей на людей волостей Усвятской и Озерищской устанавливаетъ, что державца оболецкій долженъ въѣзжать въ волость только для сбора дани [4]); община управляется выборнымъ старцемъ [5]). Такимъ образомъ нарушались права крестьянъ.

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 184—185.

[2]) А. З. Р., II, 99.

[3]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 101.

[4]) Акты литовско-русск. госуд., I, № 233. (Кн. Зап.-Лит. XXXII, л. 38—9).

[5]) Кн. Зап.-Литовск. XXXII, л. 39.

Не въ лучшемъ положеніи находилась Свислочская волость. Въ королевской грамотѣ, выданной волости въ 1534 году, высчитанъ длинный рядъ „новинъ“, которыя введены были державцею Андреемъ Немировичемъ и его слугами въ волости. Многіе поборы старостинскіе удвоены и утроены. Крестьяне жаловались на то, что когда слуги державцы наѣзжаютъ на волость метать дань, то они являются въ количествѣ 20—30 человѣкъ съ женами и слугами, живутъ на счетъ волости и до тѣхъ поръ не уѣзжаютъ, пока тамъ не получатъ „поклона“. Всѣ эти притѣсненія повели къ тому, что городъ и волость „збожело“ [1]), люди порасходились, отчего и доходъ королевскій уменьшился. Разобравъ дѣло, король устанавливаетъ нормы податей и участіе намѣстника въ метаніи податей ограничиваетъ слѣдующимъ образомъ: намѣстники не имѣютъ права въѣзжать въ волость для метанія дани, крестьяне должны сами „зметати“ дань и отвезти въ замокъ.

Правительство, видимъ мы, пытается возстановить древній порядокъ, но нельзя сомнѣваться въ безуспѣшности его попытокъ.

Мы приведемъ еще два факта борьбы волостныхъ порядковъ съ крѣпостническими тенденціями королевскаго уряда изъ мѣстности тѣхъ же поднѣпрскихъ волостей.

Въ 1533 году старцы и люди Бобруйской волости жаловались на королевскихъ писарей за ихъ поборы при выбираніи даней; они просили не посылать къ нимъ писарей, соглашаясь сами вносить дань „сполна“. Король согласился и опредѣлилъ сроки взносовъ даней грошовой и натуральной. При этомъ грамота отмѣчаетъ „хитрыи обычаи“, появившіеся у волощанъ: когда приходитъ время сбора дани, многіе изъ нихъ расходятся по другимъ волостямъ, возвращаясь въ свои дома по окончаніи срока сбора дани; другіе же прямо осаживаются въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пахать свои земли въ Бобруйской волости и пользоваться бортями, а даней не платятъ. Всѣмъ этимъ такіе крестьяне приносятъ „шкоду“ королю, „а тяжкости подданнымъ нашымъ деють, ажъ они за тыхъ сами дань нашу платять“. Поэтому король приказываетъ державцамъ волостей не принимать ни одного человѣка изъ другой волости; если человѣкъ самъ уйдетъ, то его сосѣди должны извѣстить объ отходѣ и указать мѣсто новаго поселенія врядннку; если сосѣди не укажутъ, они сами должны будутъ платить за отошедшаго дань; если врядникъ, зная объ отходѣ, не вызоветъ ушедшаго, — онъ платитъ за

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, № 224.

него дань; если помѣщики или намѣстники не выдаютъ ушедшаго, платятъ „закладу“ въ 100 копъ грошей. Намѣстники обязаны осадить пустыя земли, чтобы и съ нихъ шла дань. Крестьяне указывали на то, что они не разбираютъ пустыхъ земель, потому что врядники берутъ свои врядничьи доходы и съ „живого“, то-есть, съ занятыхъ земель, и съ пустыхъ; если бы король приказалъ врядникамъ не брать своихъ доходовъ съ пустыхъ земель, то крестьяне обязывались разобрать „межъ себя“ всѣ пустовщины и платить съ нихъ господарскія платы. Король согласился и на это предложеніе. Но та же грамота даетъ и еще одну интересную для насъ черту: крестьяне жалуются, что старцы „частыи меты мечутъ на волость“, а деньги обращаютъ на свои потребы. По этому вопросу, король высказалъ такое рѣшеніе: старцы съ этого времени не должны самостоятельно класть разметы на волость, но когда понадобятся деньги на „волостную потребу“, тогда вся волость „зволившися“ съ старцами, объявляютъ объ этомъ врянику намѣстника; врядникъ посылаетъ своего вижа въ волость, въ присутствіи котораго волость кидаетъ разметъ такъ, „якъ бы сума не превышала“ волостной потребы. Согласно размету, старецъ долженъ выбрать деньги и тратить на нужды волости [1]).

Изложенная устава Бобруйской волости прибавляетъ важныя данныя къ интересующему насъ вопросу. Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что волость платитъ и за тѣхъ плательщиковъ, которые уходятъ изъ волости; для этого волость дѣлаетъ разметы на всѣхъ наличныхъ плательщиковъ. Волость имѣетъ свои волостныя потребы, которыя она удовлетворяетъ самообложеніемъ, при чемъ размѣры сбора устанавливаются общиной, а раскладка производится старцемъ и, вѣроятно, старшими мужами, въ присутствіи всего волостнаго схода, а по королевскому распоряженію и вижа. Но въ самую волость уже проникаетъ элементъ разложенія, потому что старцы и волощане, жалуясь на врядниковъ, указываютъ на притѣсненія и со стороны выборныхъ старцевъ. По этому поводу приходится сдѣлать предположеніе, что выборы или смѣщеніе старцевъ были стѣснены вмѣшательствомъ врядника. Такіе примѣры мы уже видѣли.

Разсматривая съ интересующей насъ точки зрѣнія „кривды“ различныхъ волостей, нельзя оставить безъ вниманія жалобъ королевѣ Бонѣ, поданныхъ людьми Борисовской волости въ 1522 году. Воло-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 172.

щане жаловались на воеводу виленскаго Гаштольда, отъ котораго зависѣла волость, что онъ „накинулъ" на всю волость винщины 70 копъ и другіе поборы. Когда приходитъ время метать дань, воевода беретъ „поѣздки" 5 копъ, а его намѣстникъ на себя еще беретъ 5 копъ. Волость „со слезами" бьетъ челомъ господарынѣ, прося освободить отъ новинъ и взять волость въ свое управленіе [1]). Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ знакомое намъ явленіе: за волостною общиною еще сохраняется право раскладки податей, даже старостинскіе доходы уплачиваются еще всею волостью, по раскладкѣ, но урядъ всѣми мѣрами старается уничтожить волостную самостоятельность.

Эти факты вводятъ насъ во внутреннюю жизнь крестьянской общины. Общее впечатлѣніе одно: мы присутствуемъ въ моментъ глухой борьбы крестьянской общины съ королевскими врядниками. Община пытается отстоять свою независимость отъ врядника, воспрепятствовать, согласно старинѣ, его въѣздамъ въ волость. Напротивъ, для врядника въѣздъ въ волость слишкомъ доходная статья, чтобы онъ могъ отъ нея отказаться: пользуясь въѣздомъ, входя въ мельчайшія дѣла общины, онъ можетъ удесятерить свой доходъ разными поборами. Не слѣдуетъ думать, что эта свобода отъ врядничьихъ въѣздовъ явленіе новое, или такое, которое крестьяне пытаются выставить противъ надвигающагося закрѣпощенія. Въ Полоцкой уставной грамотѣ 1511 г. совершенно ясно ограничено право въѣзда въ волости воеводы полоцкаго [2]), слѣдовательно и его врядниковъ. Но припомнимъ, что уставныя грамоты повторяли изстаринныя земскія права. Мало того, можно привести вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства, доказывающія, что врядничій въѣздъ въ волость бываетъ временною привилегіею для державцы, которую правительство иногда считало нужнымъ выкупить [3]).

---

[1]) А. Ю.-З. Р., I, р. 62.

[2]) А. З. Р., II, 88.

[3]) Грамота Сигизмунда Стараго Юрію Зеновьевичу, которою король отдаетъ ему державу Могилевскую, перечисляетъ подати и повинности Могилевской волости; о въѣздѣ его въ волость и о полюдьи она говоритъ какъ о чемъ то весьма обыкновенномъ: „а державца нашъ панъ Юрьи маетъ съ нихъ брати въ каждый годъ: узъезду своего" и пр. (А. З. Р., II, р. 113). Въ точно такихъ же выраженіяхъ грамота 1513 г. передаетъ ту же державу Яну Щиту (Кн. Зап. Литовск., VII, л. 594). Не объясняетъ сущности въѣзда и грамота самому Юрію Зеновьевичу (та же книга, стр. 1168 новой нумераціи). Казалось бы, что въѣздъ

Намѣстники господарскіе не всегда довольствовались въѣздами или увеличеніемъ числа послѣднихъ; они часто стремятся посадить въ волости своего намѣстника, слугу, который такимъ образомъ пользуется стаціей въ теченіе всего года. Такъ, напримѣръ. Бчицкая волость въ первые годы княженія Сигизмунда I жаловалась господарю на намѣстника мозырскаго (Мозырская волость и Бчицкая управлялась однимъ урядникомъ) на введеніе новины: онъ держитъ постоянно своего намѣстника на Бчичѣ, котораго волость обязана поднимать стаціями; между тѣмъ въ волости обычай таковъ, что мозырскій державца только разъ въ годъ пріѣзжалъ къ нимъ на полюдіе. Господарь возстановилъ обычай, запретивъ державцѣ держать въ Бчицкой волости намѣстника [1]). Но и послѣдующіе державцы не всегда выполняли эту уставу. Въ 1551 г. виленскій воевода снова разбиралъ жалобу волощанъ на намѣстника ихъ Н. В. Нарбута: послѣдній посылалъ въ годъ по два раза своего намѣстника. Воевода согласно съ листомъ господарскимъ возстановилъ старину [2]).

Иногда споры изъ-за въѣздовъ приводили урядъ къ открытымъ столкновеніямъ съ волостью.

представляетъ одну изъ обычныхъ повинностей волости. Но современники смотрѣли на него иначе. Черезъ 22 года, въ 1536 г., когда возникла у Могилевской волости тяжба съ ея державцею кн. В. И. Соломорецкимъ, король велѣлъ „книги канцелярейские отворити“ (то-есть ту же Метрику) для установленія повинностныхъ отношеній волости къ державцѣ. Нашли тѣ же уставы, которыя и намъ извѣстны, но отнеслись къ нимъ такъ: „тамъ у тыхъ уставахъ тотъ уездъ описанъ есть, ижъ *з ласки* нашое господарское *за данииною и за листомъ* нашимъ они тотъ уездъ имъ *установили*; але кгды жъ то они первымъ державцамъ пану Юрью Зеновьевичу, а пану Яну Щиту давали з уставы нашое и за листомъ нашымъ господарскимъ (значитъ не по старинѣ),—на тотъ часъ *тотъ уездъ имъ отпускаемъ* до воли нашое господарское. А *напротивку* того з ласки нашое дали есьмо князю Василью на нихъ брати тивунщины 80 копъ грошей на узкую личбу, которую тивунщину *они намъ даивали*“. (Кн. Зап.-Литовск. XIX, л. 173—175, — въ Актахъ Литовско-Русск. госуд., т. I, № 241). Очевидно, Соломорецкій получилъ волость въ держанье на тѣхъ же условіяхъ, что и Зеновьевичъ и Щитъ, почему господарь взамѣнъ въѣзда даетъ ему тивунскій доходъ, составлявшій собственный королевскій доходъ, то-есть выкупаетъ у державцы право въѣзда. Это дѣло лишній разъ свидѣтельствуетъ, что далеко не всегда можно полагаться на точный, повидимому, текстъ господарской грамоты: только въ дѣлѣ 1536 г. выяснилось, что въѣздъ давался какъ пожалованіе, а не какъ обычная статья волостельскаго дохода.

[1]) *Любавскій*, Областное дѣленіе и пр., прил. № 17.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXVII, л. 88.

Совершенно понятно, что разъ урядникъ не имѣлъ права въѣзда въ волость, то мы должны предположить широкую автономію общины въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

До сихъ поръ мы наблюдаемъ ту сторону общины, которая касается ея финансоваго хозяйства. И это понятно, такъ какъ финансовые интересы стоятъ на первомъ планѣ въ жизни всякой общины: они создали общины, они и разрушаютъ ее. Наши документы бросаютъ свѣтъ на общинный строй не въ моментъ его созиданія или нормальной жизни, а наоборотъ въ періодъ разрушенія этого строя. И въ самомъ дѣлѣ все благопріятствовало этому разрушенію. Укажемъ и на другія стороны, способствовавшія разрушенію общины. Намъ придется сейчасъ встрѣтиться съ весьма разнообразными сторонами государственнаго хозяйства. Поэтому ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя особенности его.

Цѣлость общины разрушалась, когда изъ нея выдѣлялись отдѣльные ея члены, сохраняя, однако, за собою общинную землю. Это могло случиться, когда членъ общины получалъ землю на „особную службу“. Крестьянинъ могъ получить большею частью пустовщину на „особную службу“ [1]); но правительство поощряло въ первое время и переходъ изъ тяглой общины на чиншъ [2]).

Не менѣе нарушалось платежное равновѣсіе общины, когда частью земли ея завладѣвалъ того или другаго разряда служилый человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ древнѣйшихъ грамотахъ довольно явственно проглядываетъ представленіе, что тотъ или другой характеръ отбыванія службы съ земли прикрѣпляется не къ лицу, а къ землѣ. Такимъ образомъ земля могла быть данная, или купичная, тяглая, дякольная, боярская и пр. Если на ней садился соотвѣтственнаго разряда человѣкъ, то, конечно, никакого измѣненія не могло быть. Но бывало и наоборотъ: бояринъ, напримѣръ, получалъ или покупалъ землю тяглую. Въ такомъ случаѣ, съ своей боярской земли онъ несетъ боярскую службу, а съ тяглой служитъ тягло [3]). Такой взглядъ относится по крайней мѣрѣ къ низшимъ разрядамъ службъ. Для того, чтобы боя-

---

[1]) Акты лит.-русск. госуд., т. I, стр. 37, 149.

[2]) „Нижли, естли бы которые люди наши хотели сами своею доброю волею на пенязехъ осести, не хотячи службы служити, тыхъ бы еси (державца) людей отсаживалъ, а в томъ бы еси имъ черезъ то тяжности не делалъ“, Браславская волость въ Подляхіи. Акты лит.-русск. госуд., т. I, стр. 197.

[3]) Бояре заявляютъ: „мы съ того три службы служимъ: одну боярскую, а двѣ дякольные“. Акты Вил. Ком., XVII, стр. 16.

рину избавиться отъ тяглой службы съ тяглой земли, онъ долженъ былъ просить на это спеціальнаго разрѣшенія у короля, которое многимъ и давалось [1]). Извѣстны и такіе факты, когда тяглый или куничный человѣкъ получалъ за какую нибудь услугу отъ короля боярство, или назначался имъ въ спеціальную службу, оставляя, однако, за собою ту землю, которою онъ владѣлъ. Въ такомъ случаѣ переходившій въ другой разрядъ обѣлялъ и ту землю, на которой онъ сидѣлъ [2]).

Но случаи, подобные вышеприведеннымъ, не въ такой мѣрѣ нарушали равновѣсіе общины, какъ раздача шляхтѣ въ громадныхъ размѣрахъ земли съ поселенными на ней крестьянами, потому что были большею частью единичными. Раздача могла быть двоякая: король или передавалъ помѣщику всѣ его дани и службы, приходившіяся на село или отдѣльное дворище, или же удерживалъ съ отдаваемыхъ крестьянъ господарскій доходъ, предоставляя помѣщику собственно старостинскіе доходы. Оба способа раздачи извѣстны съ очень древняго времени. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ даетъ Ильѣ Вячкевичу нѣсколько селъ на Волыни „вѣчно“, но сверхъ того „зъ ласки“ освобождаетъ эти села отъ воловщины, яма и даже отъ слѣдогоней и роспустокъ владыкѣ [3]). Очевидно, требовалась особенная „ласка“ со стороны князя для освобожденія отъ государственныхъ повинностей владѣльческихъ крестьянъ, отдаваемыхъ даже въ вѣчное владѣніе, а не въ держанье. Великій князь Казимиръ даетъ пану Довкшу три двора въ Бобруйской волости, приказывая въ то же время намѣстникамъ въ нихъ не вступаться [4]). Андрею Пряжовскому пришлось просить великаго князя Александра объ освобожденіи его людей Шершневичей отъ медовой дани па ключъ кіевскій, которую они давали, хотя и принадлежали помѣщику [5]) и т. д. Такъ какъ волостная разверстка податей относилась главнымъ образомъ къ господарскимъ данямъ, то передача людей въ руки частнаго владѣльца тогда только затрагивала интересы волости, когда она сопровождалась пожалованіемъ владѣльцу и государственныхъ податей, которыя приходились на долю жалуемыхъ крестьянъ.

---

[1]) Напримѣръ, Акты лит.-русск. госуд., т. I, стр. 133, 150.
[2]) Акты лит.-русск. госуд., т. I, стр. 65.
[3]) Акты лит.-русск. госуд., т. I, стр. 3.
[4]) Ibidem, стр. 16.
[5]) Ibidem, стр. 69; ср. еще стр. 74, стр. 135, стр. 127.

Весьма понятно, что нерѣдко бывали и такіе случаи. когда частновладѣльческіе крестьяне не желали отбывать лежащихъ на нихъ волостныхъ повинностей. хотя и не были отъ нихъ освобождены. Въ такомъ случаѣ волость должна была сама искать своихъ потужниковъ по государственному тяглу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Люди Неменчинской и Лыгменской волостей жаловались въ 1495 г. великому князю Александру на пановъ Нарбутовичей въ томъ, что паны забрали безъ данины господарской волостныхъ людей. По справкамъ, однако, оказалось, что у Нарбутовъ есть листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира на нѣкоторыхъ людей; великій князь обѣщаетъ оставить ихъ при данинахъ, „а што будут самоволне людей нашых за себе забрали изъ землями ихъ, а на што *люди нашы довод вчинят*“. то эти захваты князь обѣщаетъ изслѣдовать черезъ своихъ посланцевъ [1]). Такимъ образомъ, волость и вчиняетъ иски о захваченныхъ своихъ сообщинникахъ и, когда возникаетъ дѣло, играетъ въ немъ важную роль. Не менѣе интересенъ и слѣдующій случай. Свислоцная волость жалуется въ 1499 г. на людей, принадлежащихъ боярамъ Котовичамъ, за то, что послѣдніе не исполняютъ вмѣстѣ съ ними общегосударственныхъ повинностей — ордынщины, городовой работы и сторожи и др. Для доказательства волощане ссылались на всѣ пять сосѣднихъ волостей, но боярскіе люди потребовали присяги только нѣсколькихъ лицъ, которыя своими показаніями не оправдали ихъ надеждъ: король рѣшилъ, что люди бояръ Котовичей должны „всякую тягль тягнути“ съ волостью [2]). Въ такомъ же смыслѣ имѣли тяжбу въ 1529 г. подданые Бобруйской волости съ людьми пана Яна Миколаевича Радивила и пана Вацлава Костевича. Бобруяне утверждали, что люди обоихъ помѣщиковъ, Зубаревичи и Колчичане, „з давнихъ часовъ“ участвовали съ ними въ волостныхъ разметахъ, сторожѣ. городовой и мостовой работѣ (которыя тоже отбывались по разметамъ). Зубаревичи и Колчичане проиграли дѣло и обязаны были участвовать въ разметахъ [3]).

Вполнѣ понятна причина подобныхъ столкновеній. Владѣльческіе крестьяне, пользуясь защитою помѣщика, ускользали отъ волостной разверстки. Во всѣхъ случаяхъ ищетъ своихъ поплечниковъ и потуж-

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 61.

[2]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 86—87.

[3]) Ibidem. № 194.

никовъ по государственному тяглу сама волость. Но иногда правительство предлагаетъ и державцамъ слѣдить за правильнымъ отбываніемъ помѣщичьими крестьянами государственаго тягла [1]). Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ шла рѣчь только о такихъ владѣльческихъ крестьянахъ, которые не были освобождены отъ государственнаго тягла при переходѣ къ частнымъ лицамъ. Державцы, впрочемъ, не были особенно расположены вступать съ помѣщиками въ пререканія относительно повинностей съ ихъ людей. Напротивъ, они требовали съ волостныхъ крестьянъ всѣхъ повинностей и податей, хотя волости сильно уменьшались отъ раздачъ крестьянъ шляхтѣ [2]).

Нежеланіе владѣльческихъ крестьянъ нести общегосударственное

---

[1]) „Такежъ жаловали (люди Браславской волости) намъ, штожъ мы тамъ которыхъ людей, потужниковъ ихъ, подданыхъ нашихъ, поотдавали, ино тые люди у городовой работе и мостовъ мостити помогати имъ не хотять. И ты дей к той роботе одныхъ нашихъ людей выгоняешъ... Ино ачъ есмо тамъ подданымъ нашымъ люди поотдавали, а роботы городовое и мостовое никому есмо не отпускали, а такъ ажъ бы еси и городъ и мосты всими людми, какъ нашими, такъ и подданыхъ нашихъ робилъ потому, какъ и передъ тымъ бывало". Акты литовско-русск. госуд., I, стр. 197. Интересна также грамота, данная въ 1533 г. по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ: „И которыи тежъ люди волости Бобруйское княземъ и паномъ, и бояромъ и двораномъ нашимъ тамъ есьмо подавали, велели есьмо имъ дань медовую на себе съ нихъ брати, а дань грошовую и бобры и куницы и иншыи всякии повинности велели есьмо посполъ з волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати. То пакъ дей они з волостью тыхъ доходовъ нашихъ полнити не хочуть". Для чего посылается господарскій дворянинъ, который обязанъ „тыхъ людей к волости Бобруйской приворочати и к роботе тежъ замку нашого Киевского ихъ выгоняти". Ibidem, № 221. (Кн. Зап.-Литовск XV, л. 102—103). Въ Чичерской волости (1554): „А люди боярскихъ, которые безъ листовъ нашихъ земли и люди тамъ держать, и тежъ мещане тамошние и бобровники, и тяглые, и подданые наши тые, которыи земли тяглыи под собою держачы, ихъ вживаютъ, маютъ имъ (волощанамъ) в метехъ и в роботе и во всемъ помогати и вси повинности весполокъ с ними сполняти". Зап.-Литовск. кн. XXXVII, л. 101.

[2]) Ак. л.-р. г., р. 185—относительно Кричевской волости. Подданые Оболецкой и Себежской волости жаловались на хорунжаго полоцкаго за то, что онъ отъ нихъ требуетъ ежегодно по 10 копъ гр.; между тѣмъ изъ волости много людей роздано, и они могутъ дать (вѣроятно, по раскладкѣ) только 7 копъ. „Я о томъ ничого не ведаю, одно якъ передъ тымъ платили 10 копъ грошей сполна, такъ и теперь мне платите",—говорилъ предъ королемъ хорунжій. Интересно, что воевода Петръ Станиславовичъ рѣшилъ дѣло въ пользу хорунжаго, а король—въ пользу крестьянъ. „Ино намъ не виделося, ажъ бы они мели платити и за тыхъ, которые суть розданы", № 220.

тягло вмѣстѣ съ волостью вызывало иногда специальные распоряженія высшаго правительства. Подобное распоряженіе издано было въ 1528 г. для Мозырской волости. Дѣло было возбуждено передъ королемъ мѣщанами, старцемъ и всею волостью Мозырскою. Волощане предъявили королю уставу, по которой частновладѣльческіе крестьяне должны были участвовать съ волостью въ подымщинѣ, замковой работѣ, дяклѣ и грошахъ на замокъ. Король съ панами радами издалъ по этому поводу такое постановленіе: если кому розданы люди и земли съ освобожденіемъ отъ тягла до изданія уставы, то таковые не несутъ тягла съ волостью; кто же изъ помѣщиковъ получилъ земли до изданія уставы безъ освобожденія отъ тягла, или послѣ уставы, хотя бы и съ освобожденіемъ отъ тягла, — таковые должны нести тягло съ волостью. Такимъ образомъ, правительство отмѣнило для многихъ помѣщиковъ привилегіи [1]).

Мы разсматривали такіе конфликты, которые возникали у волощанъ съ частновладѣльческими крестьянами. Но встрѣчаются факты такого рода, когда въ средѣ самой волости одна часть крестьянъ не обязана исполнять всѣ или только нѣкоторыя повинности со всею общиною. Правда, такіе случаи крайне рѣдки. Такъ, намъ извѣстна жалоба подданаго господарскаго Полоцкаго повѣта Ломота на подданыхъ Гридка съ товарищи. Ломотъ доказывалъ, что Гридко съ другими обязанъ помогать Кушликовлянамъ и Бороздивлянамъ въ подниманіи станами воеводы полоцкаго. Свидѣтельскія показанія не подтвердили жалобы Ломота и его общины [2]). Такимъ образомъ, въ средѣ самой общины были члены, пользовавшіеся нѣкоторыми льготами.

До сихъ поръ мы разсматривали такія условія общегосударственной жизни Литовско-русскаго государства, которыя разрушительно дѣйствовали на сельскую общину. Но нашъ обзоръ будетъ не полонъ, если мы не остановимся еще на одномъ явленіи, правда, очень сложномъ. Намъ необходимо остановиться на вопросѣ о выдѣленіи города изъ состава волости. Разумѣется, выдѣленіе города могло имѣть только разрушающее вліяніе на самостоятельность волостной общины. Въ городѣ жили болѣе самостоятельные члены общины; городъ представлялъ больше благопріятныхъ условій для укрѣпленія общинной солидарности, хотя бы уже потому, что жители

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 207.

[2]) Ibidem, № 225.

его находились въ болѣе частомъ общеніи другъ съ другомъ, чѣмъ жители отдѣльныхъ селъ, составлявшихъ волость. Въ началѣ почти всѣхъ заявленій-жалобъ волостныхъ людей стоитъ указаніе на то, что мѣсто и волость дѣйствуютъ единодушно. Повидимому, волостной старецъ для многихъ волостей былъ общимъ представителемъ города и его округа-волости. То или другое установленіе относительно раскладки податей и другихъ общинныхъ интересовъ относится въ грамотахъ одинаково къ волости и ея центру—городу. Общность интересовъ населенія сельской и городской общины объясняется не только ихъ административнымъ единствомъ, но и тѣмъ, что городъ по своимъ занятіямъ не отличался отъ села, или мало чѣмъ отличался отъ него. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду географическое распредѣленіе тѣхъ данныхъ, на которыя намъ до сихъ поръ приходилось ссылаться: они относятся къ восточнымъ и сѣверо-восточнымъ областямъ государства, къ такъ называемымъ Задвинскимъ и Поднѣпрскимъ волостямъ. Въ этихъ мѣстностяхъ городъ позже выдѣляется изъ состава волости, едва къ половинѣ XVI столѣтія. Напомнимъ что даже города, служившіе центральными для цѣлыхъ земель, не скоро порываютъ свою связь съ черными людьми. Уставныя грамоты Полоцка, Смоленска и Витебска даны не только на имя шляхты и духовенства, но и на имя всей земли, всего поспольства (Полоцкая) и черныхъ людей (Смоленская)[1]), хотя сами уставныя грамоты почти ничего не говорятъ о свободномъ крестьянскомъ поселеніи земель. Эта связь, въ сферѣ финансовыхъ интересовъ, замѣтна еще и въ концѣ XV вѣка[2]), хотя, конечно, отношенія центральнаго города къ землѣ совсѣмъ другія, чѣмъ отношенія волостнаго центра къ волости. Напротивъ, западныя области литовско-русскаго государства рано выдѣляютъ городъ изъ земства, именно съ конца XIV вѣка, при посредствѣ широкаго распространенія магдебургскаго права. Конецъ XV и первая половина XVI вѣка здѣсь на западѣ, въ Подляхіи, па Волыни, отчасти въ собственной Литвѣ, заняты ускореннымъ переходомъ къ нѣмецкому праву, городскому и сельскому; это относится какъ къ государственнымъ зе-

---

[1]) *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты, стр. 104. Жмудская грамота дана не только шляхтѣ, но и кметамъ, ibid. 105.

[2]) Напримѣръ, дворяне, мѣщане и волостные люди полоцкіе получаютъ отъ великаго князя Александра бобровые гоны въ общее пользованіе за общій взносъ, для котораго нужна была, конечно, разверстка, А. З. Р., I, 131.

млямъ, такъ и къ частнымъ (особенно въ Подляхіи). На нѣмецкомъ правѣ садится часть свободнаго земледѣльческаго населенія; другая часть вмѣстѣ съ рабами закрѣпощается. Эту разницу въ исторіи экономическаго быта той и другой половины Литовскаго государства необходимо и намъ имѣть въ виду.

Что касается до отношеній города къ волости до его выдѣленія, то источники наши, къ сожалѣнію, мало говорятъ объ этомъ. Намъ извѣстны лишь нѣсколько случаевъ столкновеній города съ волостью. Такъ, волостные люди здитовскіе жаловались въ 1520 г. на войта и мѣщанъ здитовскихъ (впрочемъ, неизвѣстно, на весь ли городъ или только на часть его) въ томъ, что мѣщане не хотятъ платить съ ними податей и тянуть тягла, „а землю под собою мают". Мѣщане между тѣмъ показали, что они никогда не платили податей и тягла не тянули съ волостью, но служатъ конемъ; король призналъ правыми мѣщанъ, потому что они представили соотвѣтственные документы [1]). Здѣсь интересно для насъ отмѣтить, что связь города съ волостью въ сознаніи волостныхъ людей основывалась на общемъ владѣніи землею: волощане такъ настоятельно требуютъ здитовскихъ мѣщанъ къ общему отбыванію повинностей потому, что послѣдніе владѣютъ волостною землей. Такимъ образомъ, общая земля была тою почвой, на которой сходились интересы горожанъ съ волостными.

Другою сферой общихъ интересовъ было общее податное тягло. На этой почвѣ иногда и происходили столкновенія города съ волостью.

Такъ, между мѣщанами торопецкими и волостью происходили столкновенія изъ-за раскладки податей; столкновенія эти повели къ тому, что король „пожаловалъ" волощанъ, дозволивъ имъ отдѣльно отъ горожанъ собирать дань и доставлять ее въ скарбъ. Очевидно, мѣщане торопецкіе, пользуясь тѣмъ, что намѣстникъ назначался изъ ихъ среды, притѣсняли волощанъ при раскладкѣ податей. Король выдѣлилъ волость изъ города [2]).

Но особенно любопытна тяжба борисовцевъ, мѣщанъ и волощанъ. Когда дѣло касалось интересовъ всей волости, мы видимъ, что и тѣ и другіе дружно отстаиваютъ ихъ. Но у нихъ былъ и предметъ спора, возобновлявшійся нѣсколько разъ въ теченіе полутора столѣтія и нарушавшій согласіе общины. Причина этого спора—грамота великаго князя Витовта, освобождавшая волощанъ отъ подводной повинности.

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 170.
[2]) А. З. Р., I, 171.

При Казимирѣ мѣщане успѣли „привернуть" волостныхъ людей въ подводы: они заставили волощанъ „стеречь" съ подводами десять недѣль, тогда какъ сами отбывали только три. Великій князь Александръ, вслѣдствіе жалобы волощанъ въ 1494 г., установилъ такой порядокъ: мѣщане должны стеречь шесть недѣль, волощане—десять. При проѣздѣ великихъ господарскихъ пословъ, мѣщане и волощане обязаны вмѣстѣ поднимать ихъ стаціями. Если князь пришлетъ въ Борисовъ на „покормъ" лошадей, то конокормская повинность распредѣлялась согласно съ распредѣленіемъ подводныхъ недѣль: шесть недѣль лежали на мѣщанахъ, десять — на волощанахъ [1]). Нельзя не замѣтить, что такое господарское рѣшеніе не совсѣмъ возстановляло права волощанъ, потому что Витовтъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ подводъ. Въ 1541 г. споръ возобновился. На этотъ разъ волощане представили листъ Витовта и судебное рѣшеніе Ольбрахта Кгаштольта; оба документа были болѣе благопріятны для нихъ. Быть можетъ, въ виду этого не представленъ листъ Александра, который мы только что цитировали. Судебное рѣшеніе на этотъ разъ свелось къ утвержденію льготъ, предоставленныхъ Витовтомъ и рѣшеніемъ Кгаштольта: волощане освобождались навсегда отъ подводъ, за исключеніемъ пріѣзда самого господаря. Гонцовъ и пословъ поднимаютъ сами мѣщане. Волощане даютъ подводы съ мѣщанами вмѣстѣ только подъ звѣря, убитаго въ борисовскихъ ловахъ [2]). Такимъ образомъ, причина столкновенія волостныхъ и городскихъ людей Борисовской волости—привилегія Витовта—чисто внѣшняя. Мы не знаемъ ея мотивовъ, но, видимо, это вмѣшательство власти было не совсѣмъ обычнымъ: противъ него протестовали не только мѣщане—потерпѣвшіе, но и великій князь Александръ, не утвердившій привилегію во всѣхъ пунктахъ.

Къ половинѣ столѣтія разладъ между городомъ и волостью становиться ощутительнѣе. Въ 1551 г. мозырскіе мѣщане уже отдѣльно

[1]) Кн. Записей Лит., V, л. 5. Напечатана у *Леонтовича*, Акты Метрики Литовской, № 91.

[2]) Кн. Зап., 27 л. 53 об. — 54 об. Волощане представили листъ Витовта и судебн. рѣш. Ольбрахта Кгаштольта, — „в которых же листехъ выписано иж имъ людемъ даннымъ с подводами недели не стеречи николи, нижли коли самъ господарь тамъ поедеть, а пословъ и гонцовъ и иншихъ, хто на подводахъ поедет, мещане коньми своими маютъ поднимати, бо они люди служебныи, а даннымъ людемъ волощанамъ того с ними неподнимати. А которые звер тамъ въ ловех борисовских уловят, ино волощане посполу з мещаны под тотъ зверь подводы давати маютъ".

отъ волости жалуются на своего намѣстника за кривды; въ ихъ жалобѣ уже чувствуется даже раздоръ съ послѣдней: мѣщане упрекаютъ державцу между прочимъ и въ томъ, что онъ за поклоны отпускаетъ съ замковой работы волощанъ, отъ чего постройка замка замедляется [1]). Въ Могилевской волости тоже происходили недоразумѣнія между городскою общиною и сельскою. Въ 1555 г. дѣло дошло до короля: мѣщане хотѣли взвалить на волость четыре пятыхъ городской работы. Но изъ реистровъ скарбныхъ, изъ показаній хорошо знавшаго тамошнія отношенія по частымъ поѣздкамъ подскарбія Ив. Горностая, выяснилась слѣдующая система раскладки податей и повинностей между селами и городомъ: одпихъ „поплатковъ“ горожане вносили четвертую часть, другихъ—пятую, а изъ городовой работы должны были дѣлать четвертую часть. Такое соотношеніе установлено королемъ и на будущее время [2]).

Отмѣченные факты указываютъ на двѣ причины столкновеній, вообще очень рѣдкихъ, городскихъ интересовъ съ волостными,—столкновеній на почвѣ владѣнія землей и раскладки податей. Но, конечно, не одни эти, а болѣе глубокія причины повели къ выдѣленію города изъ волости, даже и въ восточныхъ областяхъ. Намъ нѣтъ нужды на нихъ останавливаться. На одномъ только можно настаивать, что выдѣленіе города изъ волости неблагопріятно отозвалось на устойчивости послѣдней: съ городомъ выдѣлилась болѣе подвижная, тѣснѣе сплоченная, вѣроятно, болѣе богатая и развитая въ общественномъ отношеніи часть волости.

До сихъ поръ намъ приходилось разсматривать одну только сторону общинной жизни. Общее впечатлѣніе, которое выясняется изъ этого обзора, сводится къ тому, что въ первой половинѣ XVI столѣтія существуетъ въ западно-русскихъ областяхъ крестьянская солидарность; эту солидарность можно признать общинною организаціею въ предѣлахъ волости. Внутреннимъ связующимъ звеномъ этой организаціи служатъ финансовые (не только податные) интересы, внѣшнимъ—административное дѣленіе. Но моментъ, въ который мы наблюдаемъ общину—время ея упадка подъ давленіемъ правительственной опеки, административнаго произвола и общихъ условій государственнаго хозяйства.

---

[1]) Кн. Судн. дѣлъ Лит., XXVII, лл. 84—87, въ Актахъ литовско-русск. госуд., т. I.

[2]) Акты Литовск.-Русск. госуд., т. I, (изъ кн. С. Д. Лит. XXXIV).

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя рисуютъ положительныя черты общинной жизни. Зная, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ разрушенія, зная недостаточность нашихъ источниковъ, трудно дать полное описаніе общинныхъ порядковъ и при томъ такое, въ которомъ бы всѣ частности были выяснены.

Члены волостной общины, выполнявшіе какія либо общественныя функціи, обычно носили названіе *мужей*, рѣже просто *людей*: такъ они сами себя называютъ, такъ называютъ ихъ и правительственные акты. Великій князь Казимиръ пишетъ грамоту па имя намѣстниковъ могилевскихъ, старцевъ и *всѣхъ мужей* [1]). „Мы мужи любошанцы“, или „мы мужы лебедевцы“, говорится въ общественныхъ приговорахъ, о которыхъ намъ еще придется говорить. Королевѣ Бонѣ жалуются *люди* волости Усвятской. Такъ называли другъ друга и однообщинники, если судить объ этомъ по обращеніямъ судящихся къ копнымъ судьямъ [2]). Община носила названіе громады [3]). Весьма вѣроятно, что и общинное собраніе носило то же названіе, какое придается ему при выполненіи копнаго суда—*копой*, *громадой* [4]), наконецъ *вѣчемъ* [5]), можетъ быть *кругомъ* [6]).

Постояннымъ блюстителемъ общинныхъ интересовъ былъ выборный глава ея *старецъ*. Обычай выбирать старца—былъ стародавній обычай волости, слѣдовательно ея право. Люди Усвятской волости жаловались королевѣ Бонѣ на своего державцу, п. Кирдея Гричиновича: никогда того не бывало, говорили они, чтобы державца постоянно держалъ въ волости своихъ слугъ, напротивъ „нижли дей тотъ в нихъ естъ обычай стародавный, што они сами старца межи собою выбираютъ. И били намъ чоломъ, абыхмо ихъ при стародавныхъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали“; королева приказываетъ державцѣ выслать своего слугу изъ волости, „ижъ они старца межи собою выбраного маютъ тамъ мети и водлугъ давного звычного обычая маютъ ся въ томъ справовати и радити“. Правда, Бона оставляетъ вопросъ о старцѣ „до часу“, пока разузнаетъ [7]), но все-таки указа-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, р. 18.

[2]) *Спрогисъ*, Копный судъ, Труды предвар. комитета по устройству IX Виленскаго археологическаго съѣзда, 246.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 7, т. 2, р. 284.

[4]) Ibidem, р. 243.

[5]) Arch. Sang., IV, 173.

[6]) Вил. Арх. Сборн., I, 194—195.

[7]) Метрик. Литовская, кн. Записей Лит., XXXII, л. 39, среди актовъ 1548 г.

ніе самихъ волощанъ само по себѣ весьма важно. И это указаніе на „звыклый“ обычай не стоитъ одиноко. Одинъ интересный документъ даетъ указаніе на то, какъ выбирались старцы. „Мужи любошайцы“ [1]) составили приговоръ, помѣченный 9 мартомъ 1500 г. объ избраніи старцемъ человѣка той же Любошанской волости Селивона Хласовича. Всѣхъ мужей, объявившихъ приговоръ отъ имени волости,— девятнадцать человѣкъ; очевидно, каждый изъ нихъ является представителемъ еще меньшей ячейки крестьянской территоріи — села: Симонъ з *Сугиы*, Сорока з *Хочичь* и т. д. Выбранный старцемъ находится среди выборщиковъ и, былъ, повидимому, выбранъ вторично (Селивонъ, старецъ, з Лешницы). Остается подъ сомнѣніемъ одно обстоятельство: названные девятнадцать человѣкъ заявляютъ: „Мы, мужи Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское, вызнаваемъ симъ пашимъ листомъ (слѣдуютъ имена): обобрали есмо вси всполокъ старцомъ чоловека волости Любошанское ж на имя Селизона Хласовича“. Это мѣсто не совсѣмъ опредѣленно говоритъ: *выбирали* ли они старца по порученію волости, или же только по порученію ея составили *листъ*, то-есть, *письменный приговоръ*, который и объявили въ Вильнѣ? Вѣроятнѣе всего, что представители селъ были и выбиравшими старца и составлявшими объ этомъ *листъ;* въ данномъ случаѣ можно было бы напомнить, что и на копный судъ обычно выходили не всѣ *люди*, но выборные [2]).

Въ виду важнаго значенія разсматриваемой стороны общинной жизни, намъ слѣдуетъ еще остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ 1556 г. возникла тяжба между волощанами могилевскими и ихъ державцемъ, кн. В. Ив. Соломирецкимъ. Жалобщики, между прочимъ, указывали, что державца самъ уставилъ въ волости старца Якова, который „великіе драпезства и тяжкости“ чинилъ людямъ. Господарь по этому вопросу высказывается весьма опредѣленно, требуя смѣщенія старца и назначенія другаго,—„чоловека доброго, а годного, кого волость похочетъ и который бы за людми стоялъ“ и справедливость чинилъ [3]).

Мало того, одинъ документъ объясняетъ намъ даже, когда и на какіе сроки выбирали общиннаго старца. Волость Борисовская жалуется на разныя кривды, чинимыя ей воеводою виленскимъ Гаш-

---

[1]) Акт. см. ниже, въ прим. на стр. 37.

[2]) *Спрогисъ*, op. cit.

[3]) Акты Лит.-Русск. госуд., т. I, № 235.

тольдомъ, и между прочимъ на слѣдующее: „А ещо, милостивая господарине, у томъ намъ кривду чинитъ: штожъ какъ межи себе *по веснѣ*, собравшися зъ мужми посполъ, которого межи себе старца уставить хочемъ“, отъ того намѣстникъ беретъ съ волости пять копъ да еще на воеводу пять копъ [1]). Такимъ образомъ, старцы выбирались ежегодно весною; время выбора, замѣтимъ, вполнѣ совпадаетъ съ датою приговора мужей Любошанскихъ.

Данныя актовъ, о которыхъ мы только что говорили, обращаютъ на себя вниманіе еще въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, они ясно показываютъ, что уже въ началѣ XVI вѣка королевскіе урядники стремятся стѣснить общинную жизнь, или замѣняя старца собственнымъ слугою, или взимая непомѣрную пошлину за выборы. Эта политика королевскихъ урядниковъ стоитъ, разумѣется, въ тѣсной связи съ общею шляхетскою политикою того времени по отношенію къ земледѣльческому населенію страны. Но тѣ же акты могутъ разъяснить намъ и еще одну сторону общинной жизни. Въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что старчество раздаетъ и самъ великій князь или его намѣстникъ: выше былъ приведенъ документъ, въ которомъ король приказываетъ намѣстнику давать того старца волости, котораго она захочетъ, но изъ документа ясно видно, что старецъ выбирается; значитъ, намѣстникъ „даетъ“ старца, то-есть, утверждаетъ выбраннаго волостью; далѣе, мы видѣли, что въ Борисовской волости и воевода и намѣстникъ взимали плату за выборъ старца. Правда, въ документѣ не совсѣмъ ясно, что оспаривали волощане—самое право взимать за выборы старца или размѣръ пошлины; но вполнѣ возможно, что старцы вносили за свой выборъ намѣстнику или самому великому князю извѣстную плату. Такъ, сохранилась одна запись о раздачѣ въ Трокахъ намѣстничествъ и старчествъ: хотя въ записи говорится *о раздачѣ* старченствъ, но не слѣдуетъ ли и здѣсь предполагать предварительнаго выбора [2])?

Мы привели нѣсколько фактовъ, гдѣ старцы упоминаются въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ, Полоцкихъ и Торопецкихъ [3]) волостяхъ. Но изъ этого было бы ошибочно выводить заключеніе, что старцы.

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., I, p. 62.

[2]) „А старченье Речицкое взялъ Комаръ, королю далъ 2 корабельники“... „Отъ серебряного старченья могилевскаго Юрко далъ 13 копъ. Отъ медоваго старченья Андрейко далъ 4 копы“. Акты Литовск.-русск. госуд., т. I, стр. 52.

[3]) Акты З. Р., I, стр. 198, 171, 27.

какъ представители крестьянской общины, извѣстны только въ восточныхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Напротивъ, старцевъ мы встрѣчаемъ и на западныхъ его окраинахъ: въ Пинскомъ княжествѣ [1], на Волыни [2], въ Новгородскомъ повѣтѣ [3], на Подляшьѣ [4], въ собственной Литвѣ [5].

Важно отмѣтить и то обстоятельство, что старцы въ литовско-русскихъ областяхъ несомнѣнно древнѣе литовскаго владычества: наиболѣе раннія упоминанія о нихъ относятся къ концу XIV столѣтія и въ Полоцкихъ волостяхъ [6], гдѣ въ то время и не могли еще утвердиться литовскіе порядки.

Въ нашу цѣль не входитъ обозрѣніе функцій другихъ представителей крестьянскихъ властей—приставовъ, сотскихъ, сорочниковъ и десятниковъ; хотя и эти власти выступаютъ во главѣ крестьянскихъ общинъ, особенно когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ общины, но несомнѣнно они, какъ по происхожденію своему [7], такъ и потому, что они назначались королемъ, или его урядниками [8], не могутъ быть отнесены къ представителямъ самостоятельной общинной жизни. Любопытно одно, что нигдѣ сотники, сорочники или десятники не дѣйствуютъ совмѣстно съ старцами [9], хотя нѣкоторые изъ нихъ стоятъ во главѣ волостей. Старцы въ западной половинѣ литовской Руси уже въ первые годы XVI вѣка упоминаются рѣдко, случайно; въ восточной же они представляютъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка прочный институтъ, вступающій небезуспѣшно въ борьбу съ королевскими намѣстниками. Если мы сопоставимъ это явленіе съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что измѣненіе древнерусскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній географически распро-

---

[1]) Акты Вил. Арх. Ком., XX, р. 300.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 38—39.

[3]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

[4]) Вил. Арх. Сб., I, 133.

[5]) Акты Лит.-русск. госуд. т. II, стр. 116 и 75.

[6]) А. З. Р., I, 27.

[7]) *Линниченко*, Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси М. 1894, стр. 116.

[8]) *Любавскій*, op. cit.

[9]) Державца могилевскій устанавливаетъ своихъ десятниковъ въ волости, и крестьяне жалуются на это, Акты Литовск.-русск. госуд., т. I, № 235. Въ жалобахъ волости, какъ мы видѣли, часто оспаривается право намѣстника держать въ волости своего слугу, намѣстника. По всей вѣроятности, эти слуги то же, что въ другихъ актахъ десятники и сотники намѣстничьи.

странялось съ запада. то и ранняя замѣна старцевъ въ Подляхіи, Черной Руси и на Волыни другими, болѣе зависимыми отъ уряда, властями, станетъ вполнѣ понятною. Для замѣны выборныхъ общинныхъ властей были привлечены не новыя по своему происхожденію власти (такъ какъ сотники и пр. тоже старинный институтъ): представители различныхъ спеціальныхъ службъ. зависимые вполнѣ отъ дворцоваго уряда, были готовымъ матеріаломъ для такой замѣны [1].

Обратимся теперь къ тѣмъ предметамъ, которые вѣдалъ старецъ.

Прежде всего мы отмѣтимъ, что старцамъ принадлежалъ судъ въ волости или по крайней мѣрѣ участіе въ немъ. Такъ. напримѣръ. Александру жаловались въ 1497 г. старецъ и люди Старцовой волости на намѣстника торопецкаго по поводу разныхъ притѣсненій со стороны послѣдняго; король между прочимъ приказываетъ намѣстнику „не судити ихъ. ни рядити: маетъ ихъ судити и рядити старецъ. а любо выѣздчій нашъ, который выѣдетъ къ нимъ по дань нашу, а любо за иные наши дѣла кого вышлемъ“ [2]. Въ данномъ случаѣ судъ вѣдался однимъ старцемъ. Но иногда старецъ судилъ съ помѣщичьимъ или королевскимъ намѣстникомъ совмѣстно. Въ 1499 году вел. кн. Александръ, рѣшая споръ между владыкою Лукою и мѣщанами полоцкими о людяхъ, данныхъ кн. Скиргелломъ крылошанамъ св. Софіи въ Полоцкѣ, такъ говоритъ относительно суда старца: „а судити маютъ ихъ (людей) крылошане изъ старцы тѣхъ волостей. а вина на крылошанъ же маетъ быти по давному“ [3]. Встрѣчаемъ также объ участіи въ судѣ старцевъ и мужей волости въ другихъ мѣстахъ Полоцкаго повѣта [4].

Само собою разумѣется, что указать на компетенцію старцеваго суда, вслѣдствіе недостатка данныхъ, нельзя. Но было бы ошибочно думать, что въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ дѣло съ какими нибудь исключительными случаями—привилегіями. Грамоты лишь исправляютъ старину; въ послѣднемъ, напримѣръ, случаѣ в. кн. Александръ только подтверждаетъ порядки, установленные нѣкогда кн. Скиргайлою. Недостаткомъ данныхъ нельзя также объяснять, что судебными функціями старцы обладали только въ восточныхъ обла-

---

[1]) Ср. извѣстіе о десятникахъ владычнихъ, А. З. Р., I, стр. 103.

[2]) А. З. Р., I, стр. 171. Свислоцкіе волощане имѣли, по уставѣ, судъ о бортяхъ, ibid., II, р. 368.

[3]) А. З. Р., I, стр. 198.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 29.

стяхъ: слѣдуетъ по этому поводу помнить, что мы наблюдаемъ общину въ моментъ ея разрушенія, что, наконецъ, тяжущіеся на копныхъ судахъ, вѣроятно, небезосновательно называли своихъ судей *панове старцы* [1]).

Но судомъ не ограничивалась дѣятельность старца. Главнѣйшія функціи старца состояли въ сборѣ податей. Въ предыдущемъ изложеніи мы уже встрѣчали такіе факты, изъ которыхъ видно, что старецъ и собиралъ подать и игралъ важную роль при раскладкѣ податей. Но мы видѣли также и то, что старецъ не самолично меты металъ на волость, когда оказывалась нужда въ волостныхъ расходахъ, но въ присутствіи мужей волости. Одинъ документъ, на который приходилось уже ссылаться въ предыдущемъ изложеніи, указываетъ и на то, что рядомъ со старцемъ въ волости были и *бирчіе*, собиравшіе подати и, повидимому, долженствовавшіе отдавать отчетъ въ ихъ употребленіи волости; но роль этихъ бирчихъ по отношенію къ волости не совсѣмъ ясна. Несомнѣнно одно, что предъ скарбомъ представителемъ финансовыхъ функцій въ общинѣ былъ старецъ. Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ концѣ XV вѣка, старецъ самъ относитъ волостныя дани въ господарскій скарбъ [2]). Само собою разумѣется, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ записяхъ приходовъ господарскаго скарба встрѣчаемъ указаніе на то, что волощане принесли подати, то, надо думать, во главѣ ихъ былъ всетаки старецъ [3]); множественное число въ такихъ случаяхъ можетъ служить лишь указаніемъ, хотя и косвеннымъ, на то, что старецъ велъ расчеты съ скарбомъ въ присутствіи другихъ мужей волости, быть можетъ тѣхъ же бирчихъ. Необходимо еще сдѣлать одно замѣчаніе. Въ древнѣйшихъ записяхъ иногда встрѣчается указаніе, что намѣстникъ такой-то волости даетъ дань въ скарбъ. Ошибочно было бы думать, что въ данномъ случаѣ намѣстникъ замѣняетъ старца: старецъ и намѣстникъ одной и той же волости даютъ иногда дань въ скарбъ въ одно время; очевидно, слѣдовательно, намѣстникъ даетъ въ скарбъ со своихъ намѣстничьихъ доходовъ, а старецъ вс-

---

[1]) См. указанную статью г. *Спрогиса*.

[2]) Акты Виленской арх. ком., XX, 300; А. З. Р., I, стр. 171; Акты литовско-русск. госуд., т. I, 64.

[3]) См. Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 63—64. Въ 1496 г. писарь господарскій „бралъ" дань съ Задвинскихъ волостей; но оказывается онъ „бралъ" ее въ Берштахъ—значитъ, сюда принесли старцы, писарь же самъ не ѣздилъ по волостямъ, ibid., 67.

лости—волостные сборы [1]). Это обстоятельство требуетъ крайне осторожнаго отношенія къ извѣстіямъ о сборѣ дани съ волости самими намѣстниками.

Для центральнаго правительства старецъ во всякомъ случаѣ является представителемъ финансовой администраціи волости. Если князь освобождалъ кого нибудь отъ тягла вмѣстѣ съ волостью, то онъ извѣщалъ объ этомъ не только намѣстника, но и старцевъ [2]). Равнымъ образомъ, если господарь выдѣлялъ нѣсколько тяглыхъ службъ изъ волости частному лицу, освобождая эти службы отъ государственнаго тягла, то и въ этомъ случаѣ онъ поставлялъ въ извѣстность старца [3]). Даже выдѣлъ незанятой земли въ предѣлахъ волостной территоріи, въ случаѣ сомнѣній, производился при помощи опроса мужей волости [4]), наконецъ, онъ завѣдуетъ пустовщинами въ волости, осаживаетъ ихъ прихожими людьми [5]). Старецъ поставляется также въ извѣстность объ отдачѣ господаремъ мытныхъ сборовъ въ волости [6]).

Отсюда понятно важное значеніе старца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе затрогивается финансовая сторона общины. Старецъ въ этихъ случаяхъ является блюстителемъ общинныхъ интересовъ во главѣ волости. Многочисленные случаи подобнаго рода представительства мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи, когда передавали факты борьбы волости съ областною администраціею. Но мы остановимся еще на нѣсколькихъ изъ нихъ, рисующихъ дѣятельность старца и кругъ общинныхъ интересовъ.

Въ 1497 г. великій князь Александръ разсматривалъ жалобу намѣстника витебскаго Станислава Глѣбовича на людей Озерищской и Усвятской волостей. Старецъ и мужи утверждали, что они не обязаны волочить оз. Вымны, потому что освобождены отъ этого грамотою Витовта, и что намѣстники въ данномъ случаѣ ввели новину; но оказалось, что листы освобождали ихъ только отъ платы неводничимъ, а не отъ работы, въ чемъ сознались и сами волощане.

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд.: „Мозырский наместник дал 12 коп гр. великому князю, старец мозырский дал 4 копы грошей". т. I, стр. 64.

[2]) А. З. Р., I, 18; *Леонтовичъ*, Акты Литовской Метрики, № 11.

[3]) *Леонтовичъ*, ibid., № 74; Акты литовско-русск. госуд., стр. 16.

[4]) Ibid., № 118.

[5]) Арх. Сб. Вил., III, 272, 276.

[6]) Ibid., № 180.

Тотъ же намѣстникъ жаловался на волощанъ Озерищскихъ, что они отказываются косить луки на р. Лужеснѣ и забивать езы [1]. Такимъ образомъ, представители волости пытаются освободиться отъ части лежавшаго на нихъ тягла.

Всякая новина, всякое притѣсненіе со стороны намѣстника встрѣчаетъ отпоръ въ представителяхъ волости, во главѣ которыхъ выступаетъ старецъ. Около 1540 г., напримѣръ, подданые королевскіе подали цѣлый списокъ жалобъ на новины и вымогательства ихъ державцы кн. Андрея Мелешковскаго [2]. Примѣры подобнаго рода жалобъ мы уже видѣли.

Волость была, разумѣется, озабочена правильною и не тягостною для населенія раскладкою податей. Несмотря на противорѣчивыя иногда данныя, все же остается то общее впечатлѣніе, что на волость налагалась общая сумма дани, и разрубъ ея производился самою волостью. Мы выше видѣли, что крестьяне борются съ намѣстниками даже въ половинѣ XVI вѣка изъ-за права самостоятельнаго разруба; видѣли, что крестьяне кладутъ сами разметы; наконецъ, видѣли, что крестьяне сами вносятъ въ скарбъ подати, что предполагаетъ самостоятельную разверстку. Кромѣ всего этого, до насъ сохранилось нѣсколько „уставъ" податныхъ Могилевской волости: въ нихъ весьма опредѣленно указывается, что съ волости идетъ общій господарскій доходъ, независимо слѣдовательно отъ числа ея жителей; доходъ при кор. Еленѣ собирался въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ 20-хъ годахъ XVI вѣка, хотя численность населенія за это время не была однообразною [3]. Въ самомъ дѣлѣ въ 1523 г. волощане и старцы Могилевской волости бьютъ господарю челомъ о томъ, что въ волости много пустыхъ земель, которыми они не пользуются, между тѣмъ писаря взимаютъ дани и за пустыя земли; господарь освободилъ ихъ отъ даней съ земель пустыхъ, которыхъ волощане не пашутъ [4]. Но въ 1530 г. волощанамъ снова пришлось повторять свою просьбу о томъ же [5]. Просьба волости о сложеніи податей съ пустовщинъ вполнѣ понятна, потому что общинѣ приходилось платить и за ушедшихъ. Устава Бобруйской волости 1533 г. говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно: уходъ подданныхъ причиняетъ „шкоду" скарбу и „тяж-

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 76.
[2]) Акты литовско-русск. госуд., № 199.
[3]) См. Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 187 и 173.
[4]) Ibid., стр. 192.
[5]) Ibid., № 206.

кость“ оставшимся, потому что послѣдніе „за тыхъ сами дань нашу платять“ [1]).

Могилевская волость не представляла исключенія. Въ 1540 г. король Сигизмундъ Старый даетъ грамоту Свислоцкой волости, которою подтверждаетъ старину: „дань на насъ господаря дають со всее волости подлѣ давного обычаю“; при замѣтѣ дани „ни врядникъ и нихто к нимъ не маетъ въѣзжать, одно сами мужи и закидываютъ“. Замковому вряднику волощане нѣкоторыя подати отдаютъ „съ трехъ сохъ“, нѣкоторыя со всей волости, а сѣно и дрова — съ дыму [2]). Такимъ образомъ, раскладка государственныхъ податей лежала на волости [3]). И несмотря на всѣ препятствія, такой порядокъ, то-есть, опредѣленіе общей суммы господарскихъ доходовъ съ волости, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжается до конца XVI столѣтія. Еще въ 1589 г. Сигизмундъ III подтверждаетъ нѣсколькимъ мелкимъ волостямъ Полоцкаго повѣта ихъ старину: скарбовый реестръ, которымъ дани съ этихъ волостей опредѣлены общею суммою съ каждой волости [4]). Въ виду этого, разъ мы встрѣчаемъ въ люстраціяхъ половины XVI вѣка опредѣленіе господарскихъ даней съ цѣлаго села, то естественно предположить, что податная разверстка лежала на обязанности села [5]).

Приходилось не разъ уже указывать на то, что мѣстная администрація борется съ особенностями крестьянскаго самоуправленія. Мѣстной администраціи было выгодно замѣнить своими служебниками

[1]) Книга Зап. Лит., XV, л. 172.

[2]) А. З. Р., II, 367.

[3]) Приведемъ еще нѣсколько данныхъ, говорящихъ объ общинной раскладкѣ: въ судебномъ вырокѣ М. Радивила по поводу жалобы волости Мозырской на державцу своего Нарбута мѣщане жалуются: „Мы дей зъ волостью подле привилья его королевское милости платъ *врочыстый* даемъ двесте копъ и шестьдесятъ копъ грошей, а двесте и шестьдесятъ бочокъ жыта; с того дей державца мелъ выхованье свое мѣти и посла и гонца стацеями и подводами поднимати“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XVII, лл. 84—87.

[4]) „Нищанская волость повинни давать, водлугъ реестру старого, бобровщины по полтрети копы грошей широкихъ, меду пресного пудовъ чотыри, за данью городничому полоцкому дванадцать грошей широкихъ, на сторожы замковые зъ дыму по два гроши широкихъ, хоружому полоцкому по двѣ копе грошей литовскихъ, его кролевской милости одну свѣтлицу зъ иншими волостями, зъ людьми волость Клясицкое“ и т. д., А. Ю.-З. Р., I, 229.

[5]) Дань со всего села опредѣлена, напримѣръ, въ селахъ Остерскихъ и Мозырскихъ, см. Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, стр. 597 и стр. 620 и слѣд.

представителей волости. Очень возможно, что бѣдность крестьянъ или другія причины побуждаютъ ихъ вносить въ скарбъ меньше, чѣмъ считали скарбные реестры. Администраторы не разъ ссылаются на недобросовѣстность данниковъ при взносѣ дани, а помочь скарбу предполагалось или усиленною опекой надъ общиной, или полнымъ отнятіемъ у крестьянства его правъ на раскладку податей. Понятно и то, что неподвижность государственныхъ, опредѣляемыхъ по старинѣ, податей не могла не озабочивать скарбъ, нужды котораго въ половинѣ XVI вѣка разрастаются. Реформа крестьянскаго землевладѣнія являлась при такихъ условіяхъ логическою необходимостью и для центральнаго правительства. Она явилась въ видѣ волочной системы. При введеніи волочной помѣры финансовая особность общины теряла всякое значеніе. Это доказываютъ не только многочисленныя люстраціи, въ которыхъ строго проведенъ принципъ правительственной разверстки податей, отчасти и повинностей, но и нѣкоторыя болѣе прямыя указанія. Въ 1561 г. Григоріемъ Воловичемъ и Николаемъ Нарушевичемъ дана была Рѣчицкой волости устава, опредѣляющая подати и повинности города и волости уже на основаніи волочной помѣры. Устава прямо говоритъ о прекращеніи волостной разверстки въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мѣщане в мѣстехъ и старцы по волостяхъ маютъ вжо престати разрубовъ и розметовъ класти на подданыхъ господарскихъ: бо вжо яко волощане, такъ и мѣщане господарскіе отъ того вызволены и выняты суть“ [1]). Но, что создалось вѣками, то не сразу поддавалось правительственной регламентаціи. Такъ въ волочной уставѣ Могилевскихъ волостей нѣкоторыя подати и повинности, какъ бобровщина и стороживщина, оставлены при волостной разверсткѣ [2]).

Указывая на самодѣятельность въ податномъ отношеніи волостной общины, необходимо сдѣлать еще одну оговорку. Мы говоримъ объ общинѣ конца XV и начала XVI стол. Здѣсь является вопросъ: слагаются ли финансово-административные порядки общины на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ обще-государственной жизни, или эти порядки стариннаго происхожденія? Слишкомъ много было приведено фактовъ для того, чтобы составилось убѣжденіе въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной въ моментъ ея разрушенія: сначала борьба ведется на почвѣ личныхъ

[1]) А. З. Р., IV, стр. 130.
[2]) Арх. Сборн. Вил., I, стр. 188.

отношеній мѣстной администраціи съ волостью; съ половины XVI вѣка на помощь уряду выступаетъ центральное правительство со своими реформами. Но когда сложилось то общинное зданіе, которое разрушаютъ въ первой половинѣ XVI вѣка,—сказать трудно. Что оно не могло слагаться въ періодъ разрушенія,—это понятно. Но нѣтъ источниковъ, чтобы проникнуть въ болѣе раннее время, въ періодъ созиданія литовско-русскаго государства. Чтобы не уклоняться въ сторону, мы ограничимся лишь предположеніемъ, что и въ начальный періодъ литовско-русскаго государства обозначенная организація, по крайней мѣрѣ, въ финансовой сферѣ уже существовала. Въ одной грамотѣ вел. кн. Витовта, данной борисовцамъ о тивунскомъ доходѣ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „а вѣсити (медовую дань—тивунскій доходъ) ихъ человѣку борысовцу по старинѣ передъ тивуномъ и передъ мужми, а тивунамъ и слугамъ его въ то не вступатися и ничѣмъ чрезъ пошлину не обидити" [1]). Нельзя широко толковать эту грамоту, но можно, кажется, представить порядокъ отдаванія дани такой: „человѣкъ", — мы бы приравняли его старцу, — въ присутствіи мужей волости сдавалъ дань тивуну отъ всей волости; слѣдовательно и дань была собираема самими волощанами. Такимъ образомъ, нѣтъ данныхъ видѣть въ административно-финансовой дѣятельности общины такого явленія, которое сложилось бы сравнительно недавно подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій государственной жизни. Надо помнить, что литовско-русское правительство неоднократно заявляетъ свое стремленіе охранять обычай „звечный, стародавный": „мы никому съ подданныхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ" [2]).

Изучающему западно-русскую общину приходится съ особенною тщательностью собирать факты, указывающіе на ея финансовую самодѣятельность. И это потому, что на ряду съ положительными фактами, встрѣчаемъ, повидимому, и отрицательные. Хорошо извѣстенъ характеръ многихъ жалованныхъ грамотъ великихъ князей и удѣльныхъ, въ которыхъ точно опредѣляются дани съ двора или человѣка, жалуемаго княземъ. Если дань опредѣляется съ двора, то съ двора ее и платятъ, и это относится не только къ дякольнымъ дворамъ, но и къ данникамъ [3]). Мало того, въ тѣхъ же волостяхъ,

---

[1]) А. Ю.-З. Р., т. I, стр. 3.

[2]) А. З. Р., II, 368.

[3]) Напримѣръ, люди Шершневича въ Завской волости давали на ключъ Кіевскій ведро меду прѣснаго, Акты литовско-русск. гос., I, стр. 69; человѣкъ-данникъ Брян-

гдѣ встрѣчаемъ прямыя указанія на разверстку податей. встрѣчаемъ люстраціи. въ которыхъ подати разверстаны подворно, такова, напр. Гомельская волость [1]), или данники Оршанской волости [2]), Ратненскаго староства [3]) и др. Эти факты не легко объяснить. Первое впечатлѣніе, которое получается при сопоставленіи ихъ съ данными бытоваго и юридическаго характера, освѣщающими раскладочную дѣятельность общины, таково, что эти бытовые факты противорѣчатъ законодательнымъ постановленіямъ, каковыми являются цитированныя выше уставы волостямъ. Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду еще нѣкоторыя соображенія. Если разобрать древнѣйшія постановленія (а они наиболѣе характерны), въ которыхъ встрѣчается подворищное опредѣленіе даней, то прежде всего является сомнѣніе, какого рода дворища въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ, то-есть, жалуется ли княземъ боярское служебное дворище, уже раньше выдѣленное изъ общины, или же дворище выдѣляется изъ общины только въ данный моментъ самимъ актомъ пожалованія. Приведемъ примѣръ для поясненія. Ивашко Русиничъ проситъ у вел. кн. Александра села Сомина въ Володимірскомъ повѣтѣ. Господарь поручилъ справиться Василію Храбровичу, „какое то ест сѣло, а што нам с него плату идет". Село оказалось тяглое, дань съ него шла опредѣленная. Но раньше Сомино было во владѣніи уже двухъ бояръ Казарина и Тишка [4]), и такимъ образомъ на господаря никакихъ съ него платовъ не шло. Село, слѣдовательно, было давно уже выдѣлено изъ общины (конечно, если само оно не составляло общины), и, конечно въ періодъ частнаго владѣнія подати и повинности съ него опредѣлялись независимо отъ общинной раскладки. Далѣе, иногда грамота давалась на людей уже послѣ того, какъ получающій ее вступилъ во владѣніе людьми по намѣстничьей данинѣ [5]). Накопецъ общеиз-

скаго пов. давалъ кадь меду, ведро ловчее, сокола на городъ, ibid., стр. 78; село Бабиновичи Смоленскаго пов. даетъ кадь меду, 15 грошей, посощину, куницу, насадку меда и пива и *жито* (значитъ дякольники), ibid., стр. 89, ср. дань съ данниковъ Житомирскаго повѣта, стр. 117; съ села Жасковичовъ въ Мозырскомъ пов. шло шесть копъ грошей, ведро и три полуколодки меду, 4 бобра, 2 куницы, 13 грошей воловщины и др., стр. 118; съ села Тулеговичевъ того же повѣта шло всѣхъ даней на 10 копъ грош., ibidem, стр. 119 и нѣк. др.

[1]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, стр. 343 и слѣд.

[2]) Акты лит.-русск. госуд., т. II, стр. 123 сл.

[3]) Архивъ Ю.-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 272 и слѣд.

[4]) Акты литовско-русск. госуд., т. I, стр. 91—92.

[5]) Ibidem, напримѣръ, стр. 55 и др.

вѣстенъ и тотъ фактъ, что данину большею частью подыскивалъ себѣ самъ проситель и просилъ о подтвержденіи; разумѣется, подыскавшій землю съ людьми долженъ былъ опредѣлить предъ господаремъ и ея доходность [1]), то-есть, ту часть дани, которая, наложенная по раскладкѣ, приходилась съ просимыхъ людей. Но самый процессъ подыскиванія земель разказывается въ жалованной грамотѣ не всегда; не всегда можно для каждаго единичнаго случая указать, что земля жалуемая и раньше была служебною, а не выдѣляется впервые изъ волости. Хотя мы иногда встрѣчаемъ и непосредственное выдѣленіе людей изъ волости [2]), но и здѣсь надо имѣть въ виду условія данинъ: господарь подтверждаетъ или данину „до воли и ласки господарской", или насмотрѣнныя самимъ просителемъ: въ обоихъ случаяхъ получающій можетъ указать, какую дань даютъ просимые люди.

Но еще болѣе интересенъ тотъ фактъ, что сама подворищная или подымная раскладка, зарегистрованная скарбовою люстраціею, не исключаетъ общинной раскладки. Такъ люстрація Реваницкой волости (данники Радошковской волости) опредѣляетъ дань подымно; неимѣющіе хозяйственнаго инвентаря обложены такою же данью, какъ и имѣющіе его. Дѣло разъясняется довольно просто: на господаря идетъ общая сумма, а волощане сами ее раскладываютъ, соразмѣрно имуществу плательщиковъ [3]). Тѣ же порядки объяснены люстраторами Ратненскаго староства [4]), имѣнія Титовянъ [5]) и пр. Очевидно, люстрація разверстывала общую сумму шедшей съ общины подати лишь приблизительно для опредѣленія дѣйствительной доходности въ извѣстный моментъ; но это была только теоретическая раскладка, а фактическая все-таки оставалась на обязанности самихъ плательщиковъ.

До сихъ поръ говорилось о государственныхъ податяхъ. Но онѣ не столько тяготили населеніе, какъ намѣстничьи сборы. Державца

---

[1]) Ср., напримѣръ, ibidem, стр. 169; путные люди, напримѣръ, были облыжно выпрошены за тяглыхъ, ibidem, стр. 136; др. факты ср. стр. 129, 127—128, 118 и др.

[2]) Акты литовско-русск. госуд., I, стр. 16: „Ино еще придали есмо у Бобруйской волости... три дворы, што въ Чичерскую волость подали ся были".

[3]) Акты лит.-русскаго государства, т. II, стр. 118.

[4]) Дань медовая разложена по дымамъ, но: Myodu dannego, wedlie dawnego zwiczayu, *yako na ktorego przizinaliezi* przichodzi и т. д., Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. 1, стр. 292.

[5]) А. Вил. К. XIV, 11.

собиралъ свой доходъ не съ волости, а съ дыма, дворища, службы [1]); волостельскіе доходы отличались при томъ разнообразіемъ, которое могло подавать поводъ къ злоупотребленіямъ и введенію новины. Державца же выбиралъ свои доходы не черезъ старца, а черезъ своихъ приказчиковъ и десятниковъ или самъ лично.

Неопредѣленность намѣстническихъ доходовъ, ихъ разнообразіе давали поводы къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Чтобы предотвратить притѣсненія крестьянъ со стороны намѣстниковъ, великій князь издавалъ неоднократно уставы, опредѣляющія повинностныя отношенія крестьянъ; иногда сами крестьяне приходили себѣ на помощь, заключая съ намѣстникомъ договоры. Такъ, напримѣръ, волость Могилевская заключила договоръ съ своимъ намѣстникомъ княземъ Соломорецкимъ: могилевцы обязались давать князю ежегодно 120 копъ грошей широкихъ за освобожденіе отъ подводъ, пастьбы стада намѣстника, отъ сторожей на намѣстничьи потребы и пр. [2]). Подобнаго рода договоръ заключила и Мозырская волость съ своимъ державцею Андреемъ Немировичемъ въ 1510 году, хотя онъ и не исполнялъ договора [3]). Поэтому господарь, разо-

[1]) Впрочемъ, державцы иногда часть своихъ доходовъ взимаютъ со всей волости, другую часть (болѣе мелкихъ) съ сохъ или дымовъ. Свислоцкая волость жаловалась на своего державцу п. Немировича въ 1534 г. за введеніе разныхъ новинъ, при чемъ новинами названы и волостельскіе доходы съ сохъ и дымовъ. Господарь такъ опредѣлилъ намѣстничій доходъ: „водле стародавнаго обычая, какъ и за первшыхъ державецъ нашыхъ бывало: 10 каменей меду, 8 яловицъ, 8 вепровъ, 8 барановъ, а 2 бочки соли, а съ трохъ сохъ мають дати по солянце жыта, а по солянце овса, а по корцу крупъ, а з дыму по сыру, а по курати, по 10 еецъ, а по фаску масла, а по возу сена“. Акты Литовско-русск. госуд., т. I, № 224, ср. №№ 241 и 235.

[2]) Акты Литовско-русск. госуд., т. I, № 235.

[3]) Подобнаго рода договоры не единичны. Изъ вырока между старостой жомойтскимъ М. Радивиломъ и волостью Тондягольскою оказывается слѣдующее. Получивъ староство, Радивилъ собралъ представителей всѣхъ волостей въ свое имѣніе Кейданы и заявилъ имъ, „нжъ я по посѣден не хочу ездити, яко предкове мои езчывали для того, ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будеть, и большей бы вамъ вышло, коль бысте мене подыймовали. Гдежъ ся имъ то подобало. А к тому еще в кождой волости по два врадники бывали—тивуңъ а намесникъ, а от нихъ слуги два“. Радивилъ уставилъ въ волости по одному врядннку, тивунскіе доходы „показилъ“. „И учиниломъ з ними угоду со всими людьми и волости староства моего, положиломъ на нихъ платъ, якъ у волостяхъ господарскихъ: з людей идеть на господаря его милость изъ сохи по полукопью грошей, а к тому по бочце овса, по возу сена, з дыму по куряти, по десети яецъ... И они то приняли сами добровольне, на што есьми у кождую волость *листы* мои подавалъ, а имъ особныи листы далъ, где жъ они на то прызволили и вхвалили, поднялися то платити“. Акты Литовско-русск. госуд., I, № 239. Договоры могилевскихъ волощанъ съ державцею кн. Соломорецкимъ см. ibidem, №№ 235 и 241.

бравши дѣло, далъ волости подробную уставу. Характерною особенностью послѣдней является слѣдующее обстоятельство. Волость обязалась съ города и съ волости давать державцѣ по полукопѣ съ дыму. Но оказывается, что и этотъ подымный налогъ раскладывался волостью и при томъ падалъ неравномѣрно на всѣхъ плательщиковъ, хотя и была принята единица обложенія—дымъ. Мѣщане и волостные мужи обязались вносить и за малоимущихъ своихъ однообщинниковъ: если плательщикъ не будетъ въ состояніи уплатить налога, и для этого ему пришлось бы продать дитя или уйти изъ волости, то волость обязана раскинуть платежъ на болѣе богатыхъ мужей [1]).

Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что не всѣ повинности и намѣстничьи платежи, даже при отсутствіи договора, разлагались самимъ урядомъ на единичныхъ плательщиковъ: сторожа, подводная повинность, замковая работа и нѣкоторыя другія повинности по раскладкѣ своей вѣдались самою волостью; точно также, если державца не въѣзжалъ въ волость, то получалъ свои доходы со всей волости [2]).

Если подати налагаются на всю волость, то весьма понятно, что волость зорко слѣдитъ за всѣми случаями захвата волостныхъ тяглыхъ людей сосѣдними замлевладѣльцами. О всякомъ такомъ захватѣ волость извѣщаетъ господаря и зоветъ на его судъ расхищающихъ волость [3]).

Нужно отмѣтить еще одну черту, объясненіе которой лежитъ въ самомъ характерѣ отношеній мѣстной администраціи къ волости. Правительство часто не знаетъ, на какую сторону можно положиться: оно не довѣряло и своимъ урядникамъ и самимъ волощанамъ. Въ 1525 г., напримѣръ, господарь издаетъ указъ старцамъ и мужамъ волости Могилевской, чтобы они давали тивунщину прямо въ скарбъ; раньше, говорится въ листѣ, волость давала тивунщину тому, кому князь поручалъ; теперь, еслибы изъ канцеляріи даже былъ выданъ кому либо листъ на выбиранье тивунщины, — волость не должна выдавать и на такой листъ [4]). Правительству часто приходилось считаться съ расхищеніемъ скарбовыхъ доходовъ его же чиновниками [5]).

---

[1]) Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 144—146.

[2]) См., напримѣръ, Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 173.

[3]) Ibidem, стр. 61 и др. *Леонтовичъ*, № 319.

[4]) Акты Литовско-русск. госуд., т. I, стр. 198.

[5]) Съ Бобруйской волости не дошло въ 1523 въ скарбъ даней, обозначенныхъ въ реистрахъ: „а передъ тымъ не только с тое волости дани выхаживало, о чомъ же мы добре вемы и реистра оное сумы и тепер в насъ суть", а писаря побрали собранное себѣ. Кн. Зап.-Литовск., XV, л. 102—103. (Акты Литовск-Русск. госуд., I, № 219).

Но и представители уряда зорко слѣдили за слабыми сторонами волостныхъ порядковъ. Если волость неисправно взносила платежи, находился желающій взять волость въ держанье для болѣе исправнаго взиманія податей. Въ 1528 г. Сигизмундъ I отдалъ въ держанье волость Горвольскую Богдану Шолухѣ. потому что она, по докладу того же Шолухи, неисправно взносила дани: державца долженъ былъ выбирать дани и вносить въ скарбъ общую сумму, которая полагалась съ волости, „врокомъ“ [1]).

Предыдущее изложеніе выясняетъ двѣ разновидности одной и той же финансовой дѣятельности общины. Но у волости была еще одна сторона той же дѣятельности — собственныя волостныя нужды, на которыя требовались разметы между волощанами.

Нѣтъ необходимости повторять здѣсь то. что говорилось раньше о правахъ волости дѣлать разметы на свои надобности. Волость имѣла и свои „волостные пенези“. Напомнимъ. что и въ эту сферу дѣятельности общины проникаетъ опека уряда и пытается, подъ разными предлогами, ограничить волостную самодѣятельность.

Къ счастью, наши источники сохранили намъ кой-какія свѣдѣнія о томъ. какія иногда бывали у волости нужды, на которыя она собирала сборы. Въ 1540 г. подданые с. Лебедева Берестейскаго повѣта разрушили мельницу, построенную пушкаремъ берестейскимъ Маркомъ Зубрицкимъ на землѣ, которую они признавали спорною. Староста п. Александръ Ходкевичъ присудилъ со всего села Зубрицкому за гвалтъ 40 копъ грошей; 30 копъ они заплатили готовыми деньгами, а въ 10 копахъ заложили Зубрицкому двѣ нивы. О своей мировой съ Зубрицкимъ подданые лебедевцы, во главѣ со своимъ старцемъ, составили листъ вызнаный [2]). Въ этомъ документѣ источники сохранили намъ одинъ изъ поводовъ, когда волощанамъ надобилось прибѣгнуть къ самообложенію. Иногда и сама волость по суду, напримѣръ, получала ту или другую сумму. Такъ въ 1555 г. старецъ могилевскій Андрей Печера съ другими представителями волости просилъ записать въ книги канцелярейскія, что волость получила удовлетвореніе отъ бояръ Радки Щолкановича и Семена

---

[1]) Ibidem, стр. 206.

[2]) Кн. Зап. Литовск., XIII, л. 28 об.—29 об. Разрушеніе млына было сдѣлано, конечно, по постановленію громады. Примѣры подобныхъ постановленій извѣстны и изъ другихъ документовъ, см., напримѣръ, Архивъ кн. Сангушекъ, IV, стр. 174.

Котла въ количествѣ 104½ копъ грошей [1]). Къ сожалѣнію, заявленіе крестьянъ не объясняетъ, почему эта значительная сумма была дана волости боярами, но, надо думать, она была присуждена за какое либо безчестье или убытки.

Само собою разумѣется, что этими случайными указаніями вовсе не исчерпываются всѣ поводы, когда волость расходовала на свои волостныя потребы деньги, или сама ихъ получала. Мы не можемъ и ожидать обилія фактовъ подобнаго рода отъ книгъ государственной канцеляріи, которыя сохранило намъ время. Можно отмѣтить еще, что община имѣетъ, напримѣръ, свой перевозъ и беретъ на немъ мыто [2]), имѣетъ свою общинную церковь [3]), наконецъ мельницу [4]). Но и этого достаточно, чтобы видѣть, что община представляла изъ себя не только государственную финансово-административную единицу, но имѣла и собственный кругъ дѣятельности.

Самою важною, конечно, стороною общинной жизни было владѣніе землею. Разрѣшеніе этого вопроса представляетъ наиболѣе затрудненій для изслѣдователя западно-русской общины. Обыкновенно признаютъ, что въ Западной Россіи преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія уже съ XV вѣка является дворище, служба съ семейно-родовымъ характеромъ. Мы встрѣчаемъ въ актахъ дворища, имѣющія опредѣленный земельный надѣлъ, съ котораго идетъ опредѣленная служба. Разъ дворище оформилось такимъ образомъ, то, повидимому, здѣсь нѣтъ мѣста для общиннаго владѣнія по крайней мѣрѣ пахотною землею. Однако, надо отличать такія дворища и службы, которыя почему либо выдѣлились изъ общины; необходимо, поэтому, обратиться къ неразложившейся общинѣ. Выше нами былъ приведенъ общественный приговоръ мужей Любошанской волости о выборѣ старца. Оканчивается этотъ приговоръ слѣдующимъ постановленіемъ тѣхъ же мужей: „Итакъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ которыи земли паставскии в той волости Любошанской есть, мы тыи земли на себе розобрати хочемъ. А маемъ с тыхъ земль господарю его милости в кождый годъ дань медовую, и грошовую, и бобры и куницу

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Литовск., XXXIV, л. 87.

[2]) *Леонтовичъ*, Акты Метрики Литовской, I, № 381.

[3]) Акты литовско-русскаго государства, II, стр. 119 (Радошковская волость).

[4]) Ibidem, стр. 116: „Село Реваничы... при немъ река от села на пол-мили, зовуть ее Уша, на которой есть ставъ и млынъ мелеть, нижли волость Ревающкая сами собе тотъ ставъ заняли и на нихъ же мелетъ, а отъ чужоволостцовъ завозу нетъ“.

все сполна выдавати до скарбу его милости по старому“ [1]). Приведенный фактъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта по вопросу о характерѣ общиннаго землевладѣнія. Изъ него ясно одно, что къ волости тянетъ извѣстная неразработанная территорія, которую крестьяне рѣшились „разобрать“ по службамъ; за взятую землю они обѣщаютъ вносить причитающееся на господаря количество даней; мало того, община считаетъ нужнымъ извѣстить объ этомъ господаря. Извѣстенъ и другой аналогичный случай: крестьяне полоцкаго воеводы Яна Глѣбовича бьютъ челомъ своему помѣщику о дозволеніи передѣлить между собою *всѣ* земли и дани распредѣлить поровну по службамъ; воевода позволилъ имъ раздѣлъ, но въ присутствіи своего приказчика [2]). Можно впрочемъ, указать и на то, что не всегда крестьяне извѣщали господаря о предпринятыхъ ими сообща разробкахъ: въ Пинскомъ староствѣ великій князь

[1]) „Мы мужы Любошанцы, с порученья всея волости Любошанское вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ,—Ясь с Кекерова, Панко съ Стоялъ (?), Мышко с Кожычъ, Слуцъ Высоки, Симонъ зъ Сушы, Сорока з Хочичъ, Дорошъ Старынчичъ, Платонъ с Варикошичъ, Иванъ з Даленъ, Семенъ Старынчычъ, Андрей Хороховский з Добриловичъ, Фома Масъ (с) Добрыловичъ, Данило Сланковичъ з Даленъ, Мокей с Високихъ, Илейка з Бросневичъ, Толстый з Довгоедъ, Селивонъ, старецъ, з Лешницы, Прыкрый в Любошанехъ, Овсей Семеновичъ (з) Любошанъ—обобрали есмо вси восполокъ старцомъ чоловека волости Любошанское ж на имя Селивона Хласовича. И такъ ся есмо его милости господарю подвезали: ижъ которыи земли наставскии (очев. пацтавскии) в той волости Любошанской есть, мы тые земли на себе разобрати хочемъ, а маемъ с тыхъ земль господарю его милости в кождый годъ дань медовую и грошовую и бобры и куницу — все сполна выдавати до скарбу его милости по старому. И на то дали есмо сей нашъ листъ под нашыми клейны. Псанъ у Вильни под лето бож. нарож. 1500, мца мар. 9 день, индиктъ 7“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит. VII, л. 115—115 об.

[2]) Фактъ указанъ у *Любавскаго*, Областное дѣленіе, стр. 471. Приводимъ этотъ важный документъ: „Про память панъ его милость (воевода полоцкій) казалъ в книги записати: Штожъ били чоломъ его милости люди вси волости Готлянское и Гостиловское, абы его милость дозволилъ имъ вси земли ихъ пашные и бортные и дань медовую и грошовую на ровные части межи нихъ поровновати и по службамъ поделити. И панъ его милость то имъ дозволилъ передъ врядникомъ своимъ сее весны вчинити. И якъ вчинять, о томъ казалъ его милость до себе имъ отписати. А которые половицы девятое меры дани медовое и грошовое, то колько летъ пану его милости недавали,—кгды ся в земляхъ поровнанье межи нихъ станеть, на онъ часъ вси люди Готлянские будутъ повиньни пану его милости тую дань, которая у ихъ колько летъ погинула, сполнити, а за утаенье и за неотдаванье тежъ дани хмелевое мають полътрети копъ грошей заплатити. Писанъ в Готляныхъ, под лето бож. нарож. 1538, мца декабра 15 день, индикт. 12“. Кн. Зап.-Литовск. XVI, л. 283.

далъ землю въ волости какой-то Святохнѣ; но оказалось, что крестьяне „разробили“ эту землю на себя, и король велѣлъ обыскать Святохнѣ землю въ другомъ мѣстѣ [1]). Наши данныя могутъ быть истолкованы и въ томъ смыслѣ, что крестьяне, разработавъ на пашню общинный лѣсъ или выгонъ, дѣлили его между дворищами, службами, на чемъ и прекращалась власть общины надъ общинною землею; но и такое толкованіе не вполнѣ оправдывается другими фактами. Извѣстны, напримѣръ, случаи, когда село, даже частновладѣльческое, выдѣляетъ часть земли на церковь, вслѣдствіе общиннаго приговора [2]), или случаи, когда сверхъ земли, разложенной по службамъ, оставалась еще пашня, которую крестьяне пашутъ „сообща“ [3]). Подданные села Лебедева, приговоръ которыхъ по дѣлу съ Зубрицкимъ мы цитовали выше, выдѣлили послѣднему въ заставу двѣ нивы [4]). Но здѣсь является вопросъ: какія нивы они выдѣлили? Или они выдѣлили такія нивы, которыя пахались всѣмъ селомъ сообща, или

---

[1]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 277. О необходимости разрѣшенія для роспашей въ господарской пущѣ см., напримѣръ, *Леонтовичъ*, Акты, стр. 140.

[2]) Нѣсколько указаній приведено проф. *Владимірскимъ-Будановымъ*, основанныхъ на писцовыхъ книгахъ Пинскаго староства, *op. cit.*, стр. 378.

[3]) Писц. кн. Пинск. стар., II, стр. 242.

[4]) Мы мужы господарские Лебедевцы Ялуцъ Мицковичъ, старецъ, а Олисей Михалковичъ и Ѳедко Папасовичъ, Кузма Ковалевичъ, Мацко Панасовичъ, Артимъ Александровичъ и Мицъ Игнатовичъ со всими потужниками нашими вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ сами на себе пану Марку Зубрицкому, пушкару замку Берестейскаго. Што его милость панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, староста берестейский присудилъ на насъ пану Марку за гвалты сорокъ копъ грошей, ино вже есмо его милости заплатили тридцать копъ грошей а десеть копъ грошей на насъ еще зосталося, нижли мы бачечи трудность и упадокъ нашъ, штожъ пенезей такъ скоро достати не могли, чымъ быхмо мели и тую десять копъ грошей заплатити, и просили есмо его милости, абы онъ узялъ у насъ у заставе у тыхъ десети копахъ грошей две поли изъ житомъ. Якожъ его милость бачечи нашу трудность и впадокъ взялъ его милость тыи две поля в тыхъ десети копахъ грошей у заставе, которое жъ одно поле от Добротичъ, едучи къ Копытову, налеве за дорогою вперло у самый ставъ пана Марковъ в реку Корошчину, а другое поле... гдежъ есмо пану Марку его милости тая обе поля пред вижомъ замковымъ завели, не оставуючи ихъ ничого на себе. И маетъ его милость тые поля до тихъ часовъ держати, поки его милости пенези вышей писаные отдамо. А естли быхмо пенези не отдавши а в поля тые чимъ кольвекъ уступовати ся мели, тогды маемъ пану Марку съ совитостью тые пенези заплатити, а на замокъ вины десять копъ отдати“,—далѣе слѣдуютъ подписи свидѣтелей. 1540 г. 20-го января. Кн. Зап.-Литовск. XIII, л. 28 об.—29.

они выдѣлили нивы своихъ однообщинниковъ; въ послѣднемъ случаѣ, чтобы уравновѣсить взносъ на общественныя нужды, они должны были передѣлить остальную землю села между собою. Но для насъ важно здѣсь то, что сельская община считаетъ себя вправѣ распоряжаться общинною землею, независимо отъ того, раздѣлена она на дворища, или нѣтъ.

Если трудно найдти положительные факты, которые указывали бы вполнѣ ясно на способы общиннаго землепользованія пахотною землею, то за то относительно сельско-хозяйственныхъ угодій дѣло обстоитъ иначе. Каждое село или нѣсколько селъ имѣли земли бортныя, бобровые гоны, лѣсъ, выгоны, которые къ нему тянули. Этими ухожаями они распоряжались сообща, и если кто нибудь нарушалъ ихъ право владѣнія, то вся община защищала свою землю. Такъ въ 1529 г. помѣщикъ Вагановскій судился передъ королемъ съ людьми пужицкими и токаревскими (въ Берестейскомъ повѣтѣ): люди этихъ двухъ селъ не позволяли ему имѣть вступъ и въѣздъ и разрабатывать новую пашню въ пущѣ Пужицкой. Но Вагановскій доказалъ свидѣтельскими показаніями, что эти пуща и земли „здавна посполитые“, что пуща „спольная“ пужичанъ и токаревцевъ съ его людьми. На этомъ основаніи судъ вынесъ такое рѣшеніе, что пуща должна находиться въ общемъ пользованіи двухъ названныхъ селъ и людей пана Вагановскаго: „одинъ безъ другого воли не маеть никому дерева съ тое пущи давати, а роспаши мають собе въ той пущи роспахивати, а одинъ у другого поля, какъ у старие, такъ и новые не мають ся уступати“ [1]). Такимъ образомъ, крестьяне отстаиваютъ угодья, которыя находились въ пользованіи двухъ селъ; но раньше съ ними, очевидно, были въ совладѣніи люди Вагановскаго, пока послѣдній не получилъ ихъ у короля. Пужичане и токаревцы хотѣли воспользоваться переходомъ своихъ однообщинниковъ къ помѣщику, но судъ рѣшилъ иначе.

Въ источникахъ мы встрѣчаемся неоднократно съ аналогичными случаями. Укажемъ еще на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, въ 1495 г. люди Грежане искали передъ великимъ княземъ на ключникѣ Львѣ Боговитиновичѣ землю полазную и островъ Чертовичи [2]); люди не доказали своего права, и земля осталась за ключникомъ. Въ томъ же году великій князь разсматривалъ тяжбу Рославской волости съ Бо-

---

[1]) Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 64—66.

[2]) *Леонтовичъ*, № 169.

рисомъ Семеновичемъ. Волость обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что онъ занялъ семь селъ изъ волости безъ данины господарской; далѣе, волость указываетъ на то, что Семеновичъ занялъ ихъ дуброву, выгонъ городской [1]). Оба обвиненія и въ данномъ случаѣ не имѣли успѣха, потому что у отвѣтчика оказались листы—данины. Люди токаревскіе Берестейскаго повѣта имѣютъ, напримѣръ, свои земли пашныя, бортныя и сѣножать, которыя отстаиваютъ всѣмъ селомъ [2]). Въ Ратненскомъ староствѣ громада владѣетъ островомъ [3]). Люди Дубляне Городенскаго повѣта сожгли дворецъ Тишки Гринковича, утверждая, что онъ построилъ дворецъ на ихъ „властной" землѣ [4]). Крестьяне Берестейскаго повѣта ищутъ на судѣ своей „отчинной" земли [5]).

Когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ и спорномъ вопросѣ, какъ общинное землепользованіе, изслѣдователю приходится быть весьма осторожнымъ въ выводахъ. Надо принимать въ расчетъ и скудость историческихъ свидѣтельствъ, и ихъ неопредѣленность, и, наконецъ, свидѣтельства противоположнаго свойства. Изъ послѣднихъ, напримѣръ, важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что трудно, повидимому, настаивать на правѣ общины выдѣлять земли вновь прибывающимъ въ нее членамъ: земли выдѣляетъ господарскій намѣстникъ, или его прикащикъ [6]). Прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи много— это правда, — но они ослабляются нѣкоторыми соображеніями. Намъ теперь знакомы факты такого рода, что господарь ставитъ въ извѣстность волостнаго старца, какъ представителя общины, о выдѣлѣ службъ и людей изъ волости и т. п. измѣненіяхъ; съ другой стороны врядникъ или его слуга въѣзжаетъ въ волость только въ опредѣленные сроки, или даже совсѣмъ не имѣетъ въѣзда. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ врядннку не легко раздавать земли въ волости, подыскивать ихъ и пр.; мало того, волость несетъ повинности и за

---

1) Ibidem, № 200. Кн. Зап. Лит., V, л. 42.

2) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 68.

3) Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. 2, стр. 293.

4) Кн. Зап. Лит., V, л. 50.

5) Кн. Зап. Лит., VI, л. 74.

6) „А мужъ пришелъ на Кораевскую землю и прикладалъ слузе его (намѣстника) Скурате и просилъ поместя, и онъ поместя не нашелъ". (Акты Литовско-Русск. госуд., I, № 199). Подданный господарскій билъ чоломъ Яну Радивилу, державцѣ волковыйскому, и „просилъ насъ о землю пустовскую на имя... и мы тую землю ему пустовщину дали, на которой, онъ поведилъ, ижъ хоромины нетъ",— почему и дана льгота на 3 года. Кн. Судн. Д. Литовск., VI, л. 315.

пустующія земли, и ей, естественно, надо заботиться объ обработкѣ ихъ, хотя бы испрашивая каждый разъ разрѣшеніе уряда. Но весьма понятно, что урядъ стремится захватить раздачу прихожимъ людямъ волостной земли: онъ за отведенную землю получаетъ поклонъ, онъ стремится наложить свою опеку на крестьянъ. Далѣе, о дѣятельности уряда по раздачѣ земли мы встрѣчаемъ кое-какія указанія, а о дѣятельности старцевъ почти не встрѣчаемъ, потому что община и не вела такихъ записей. Впрочемъ, въ описаніи Дубровенской волости 1560 г. имѣемъ прямое указаніе на то, что именно старецъ „водле уставы господарское" завѣдуетъ пустовскими землями, осаживаетъ ихъ [1]), но едва-ли устава возложила на представителя общины какую-нибудь новую обязанность.

Но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ половинѣ XVI вѣка правительствомъ предпринимается важная финансовая реформа съ цѣлью выяснить доходы, шедшіе съ господарскихъ земель, и найдти новые „пожитки" для скарба. Реформа производилась въ то время, когда административная опека и произволъ уряда въ волостяхъ достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Съ двадцатыхъ годовъ правительство издаетъ цѣлый рядъ уставовъ отдѣльнымъ волостямъ имѣющихъ цѣлью установить „старину" въ отношеніяхъ областной администраціи къ крестьянамъ, точно опредѣлить подати и повинности, шедшія и въ скарбъ и на урядъ. Но всѣ эти циркуляры не имѣли практическаго значенія: жалобы крестьянъ на державцевъ и ихъ слугъ раздаются къ половинѣ столѣтія съ бо́льшею силою, чѣмъ прежде. Это обстоятельство, въ связи съ новыми хозяйственными взглядами, разстройствомъ казны, привело правительство къ мысли о необходимости коренныхъ реформъ въ господарскихъ имѣніяхъ. Реформа выразилась въ повсемѣстномъ введеніи волочной помѣры въ западныхъ областяхъ государства и въ регистраціи службъ и дворищъ — въ восточныхъ. Памятники, касающіеся этой „ревизіи", не объясняютъ того, какъ пользовались крестьяне землею до нея. Одной изъ цѣлей ревизіи было поставить каждаго отдѣльнаго плательщика лицомъ къ лицу съ скарбомъ; поэтому каждый клочекъ земли долженъ

---

[1]) Виленск. Археогр. Сб., III, стр. 276, 277. Однако, здѣсь же, въ другомъ мѣстѣ, обязанность заботиться о заселеніи пустыхъ земель возложена на замковый урядъ (стр. 263), что вовсе не противорѣчитъ одно другому; конечно, и урядъ заботился объ увеличеніи „пожитковъ скарбовыхъ", о заселеніи волости, урядъ наблюдаетъ за раздачею земель.

былъ имѣть своего хозяина. за которымъ могъ бы слѣдить скарбъ. При такихъ условіяхъ община не можетъ распоряжаться надѣльной землей. Однако, по отношенію къ внѣнадѣльнымъ пахотнымъ землямъ и къ угодіямъ памятники ревизіи убѣдительно говорятъ за то, что среди крестьянъ укоренился обычай пользоваться по крайней мѣрѣ этими землями сообща. Такъ, нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ доселѣ описаній староствъ, въ которыхъ бы нельзя было встрѣтиться съ фактомъ пользованія цѣлымъ селомъ участками сверхъ надѣльной пахотной земли [1]), не говоря уже о бортныхъ земляхъ, рыбныхъ ловляхъ и т. под. ухожаяхъ, которыя часто находились въ „суплетномъ" пользованіи нѣсколькихъ селъ [2]).

Уставъ, изданный въ 1594 г. для Могилевской волости, уже разбитой на волоки, когда уже новые порядки считали за собой нѣсколько десятилѣтій, сохраняетъ, однако, за общиной пользованіе угодьями. Бобровые гоны находятся въ общемъ „уживаніи" села. Бортное хозяйство то же находится въ вѣдѣніи всего села или круга, при чемъ община иногда дѣлитъ ихъ между собою, но можетъ пользоваться и безъ „дѣлу" [3]).

Взвѣшивая всѣ данныя относительно общиннаго землепользованія, нельзя не отмѣтить, что онѣ не даютъ еще права на вполнѣ опредѣленный выводъ, вслѣдствіе своей неполноты и неопредѣленности. Пока очевидно одно, что въ сельской общинѣ широко вкорененъ обычай общаго пользованія сельско-хозяйственными угодьями, бортными и другими землями; не менѣе извѣстно также общее пользованіе придаточными земельными участками, пустовщинами. Обѣ категоріи земель крестьяне иногда дѣлятъ между собою, по службамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуются и безъ „дѣлу". Труднѣе опредѣлить характеръ участія общины въ выдѣлѣ земли и особенно способы пользованія надѣльной землей, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть общины простиралась и на передѣлъ всей территоріи.

Важно одно, что тѣ или другія земли община считаетъ своими, и защищаютъ ихъ отъ захватовъ не отдѣльныя лица, но вся община. Власть

---

[1]) Такъ, см. Берестейское староство (*Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-Русскаго госуд., т. II, р. 261 и passim), Кобринское стар. (Ревизія Кобр. экономіи, изд. Вил. Арх. ком., стр. 38 и др.), Троцкое стар., (Вил. Археогр. Сб., VIII, стр. 118, 39 и др.), Дубровенская волость (Вил. Археогр. Сб., III, стр. 270, 275 и др.), Гомельское стар. (Акты Вил. Археогр. ком., XIII, стр. 347 и др.).

[2]) Напр., А. Вил. Арх. ком., XIII, 354 и др.

[3]) Вил. Археогр. Сборн., I, стр. 194—195.

общины простиралась въ экстренныхъ случаяхъ и на передѣлъ земли. Это обстоятельство, хотя и мало освѣщенное данными, позволяетъ, однако, думать, что связь общинная была сильна и простиралась и на землю, которою, хотя и отдѣльно, владѣютъ ея однообщинники. Другой вопросъ, была ли права юридически община, и съ тогдашней и съ нашей точки зрѣнія,—считая себя распорядительницею общинной земли. Правда, крестьяне называютъ свою землю „власною“, „отчизною“ [1]), но опредѣленія ихъ надо понимать весьма относительно, примѣняясь къ условіямъ тогдашняго землевладѣнія. Крестьянское землевладѣніе на господарской землѣ — прежде всего служба. И съ этой стороны крестьянскую службу можно сопоставить со службою всякаго служилаго человѣка. Какъ послѣдній распоряжался служебною землей постольку самостоятельно, поскольку это распоряженіе не нарушало правильнаго отбыванія службы, — точно также и крестьянинъ или крестьянская община могли распоряжаться своею землею, не нарушая интересовъ службы, то-есть, интересовъ господарскаго скарба [2]). Съ нашей точки зрѣнія такое пользованіе землей не будетъ полнымъ владѣніемъ, но мы должны примѣняться къ условіямъ времени.

Само собою разумѣется, при всемъ этомъ надо имѣть въ виду, что западно-русское крестьянство не было однородною массой. Наоборотъ, раздробленность его, разнообразіе службъ, на немъ лежавшихъ, а вслѣдствіе этого и его правъ, были весьма значительны. Въ виду этого намъ необходимо поставить вопросъ и о томъ, среди какого разряда земледѣльческаго населенія встрѣчаются признаки общинной жизни, разсмотрѣнной выше.

Если собрать указанія источниковъ, цитированныхъ выше, то окажется, что крестьяне, выступающіе въ нихъ, всѣ, за исключеніемъ немногихъ сомнительныхъ случаевъ, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ данниковъ. Если опредѣлять географически мѣстности, которыхъ касаются наши источники, то придется поставить на видъ, что большинство ихъ относится къ такъ называемымъ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ и сравнительно немного къ волостямъ западнымъ. Такимъ образомъ передъ нами два вопроса о томъ, что

[1]) См., напримѣръ, Ревизія пущъ, стр. 248.

[2]) См., напр., характерный мотивъ разрѣшенія людямъ на мѣну земли съ сосѣднимъ помѣщикомъ въ Кн. Зап. Лит., VI, л. 62, или Акты Вил. Арх. Ком. т. XVII, стр. 3.

такое данники, и почему эти данники, какъ община, выступаютъ въ восточныхъ областяхъ Литовско-русскаго государства.

Вопросы эти настолько сложны, что болѣе или менѣе подробное изученіе ихъ не можетъ входить въ задачу настоящей статьи: позволительно, поэтому, ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Повинностныя отношенія западно-русскаго крестьянства отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, затрудняющимъ точное ихъ опредѣленіе. Данники во всякомъ случаѣ отличаются отъ тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ; признакъ тяглаго человѣка тотъ, что онъ ходитъ „съ серпомъ и косою" и дякло даетъ. Положеніе данника прежде всего опредѣляется данью. Дань—это главная повинность данника, независимо отъ того, сидитъ ли онъ на господарской землѣ, или на частной. Иногда повинностныя отношенія данника и ограничиваются только одною данью [1]), но чаще на данникахъ лежитъ и извѣстная доля тягла. Такъ данники иногда обязаны волочить озеро, косить луга [2]). Но главное тягло данниковъ на господарскихъ земляхъ—подводная и городовая повинность [3]). Сравнительно рѣдко, и то въ позднѣйшее время, можно встрѣтить данниковъ, отбывающихъ пригоны и толоки [4]).

Если обратиться къ древнѣйшимъ даннымъ, напримѣръ, къ записямъ пожалованій Казиміра и къ нѣкоторымъ другимъ, то въ нихъ мы найдемъ данника, обязаннаго только данью [5]). Съ другой стороны. крестьяне-данники весьма часто оспариваютъ право намѣстниковъ заставлять ихъ косить сѣно и пр., называя такія повинности новиной, хотя послѣдняя и не всегда является таковою въ глазахъ суда [6]). Очень возможно, что натуральныя повинности частноправнаго характера явились уже только первою ступенью къ закрѣпощенію,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, 127: „а заплативши оную вышеписаную данцу, три пуды меду и грошей зъ данью осмнадцать, и къ тому серебщину отъ полпяты сохи заплативши... неповинны вже никоторое службы служить, ани дачки иншое никоторое не давати". Ср. Дубровенская вол., Вил. Арх. Сб., III, Гомельская, А. Вил. Ком., XIII, и др.

[2]) Акты лит.-русск. гос., т. I, напр., стр. 76 и др.

[3]) Въ цитированныхъ выше уставахъ волостямъ—passim.

[4]) Напр., Радошковскіе данники ходятъ сѣно косить, Акты литовско-русск. государства, II, стр. 110 и др.

[5]) Книга данинъ Казиміра напечатана мною во II т., „Актовъ лит.-русск. государства", стр. 1 и слѣд.

[6]) См., напр., жалобу Свислоцкой вол., Акты лит.-русск. госуд., I № 224. жалобу Озерищской вол., ibidem, стр. 76 и др.

не составляя раньше половины XV вѣка необходимой принадлежности службы данниковъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ личной зависимости данника: былъ ли данникъ человѣкъ похожій, или же прикрѣпленный къ землѣ. Правда, что уже въ записяхъ земельныхъ дачъ великаго князя Казиміра встрѣчаемъ раздачу данниковъ [1]), хотя эта раздача и можетъ быть понята въ смыслѣ простой передачи права взиманія дани [2]). Но съ другой стороны иногда частные владѣльцы считали своихъ данниковъ „звѣчными“, „старыми“, „отчичами“, „дѣдичными“, „отчизными“ [3]), иногда они воспрещали данникамъ уходить съ земли [4]). Но эти случаи скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило: самое запрещеніе отхода какъ бы косвенно подтверждаетъ его возможность. Акты начала XVI вѣка опредѣленно называютъ только одинъ разрядъ крестьянъ, которыхъ помѣщикъ считалъ крѣпостными и могъ разыскивать — это тяглые отчичи: достаточно помѣщику доказать, что такой-то его человѣкъ ходилъ съ косою и серпомъ на помѣщичью работу, давалъ дякло. — и судья выдастъ такого крестьянина владѣльцу. Но съ

[1]) Акты лит.-русск. госуд., II, стр. 1—72, passim.

[2]) Напр.: Монастырь Св. Троицы въ Смоленскѣ имѣетъ кадь меду „с погреба нашего“. Но здѣсь же передается содержаніе грамоты Александра, которою предоставлялось монастырю брать кадь меду *съ данника* Майковскаго съ братьею. Такимъ образомъ, хотя жалованною грамотою монастырю предоставлялось собирать дань съ назначеннаго человѣка, но фактически монастырь получалъ ее отъ уряда изъ погреба. Ясно, что личной зависимости плательщика отъ монастыря не могло быть. Акты лит.-русск. госуд., I, стр. 135. Пустынскій монастырь въ Кричевѣ получилъ дань „зъ села Кричовскаго на имя Лобковичовъ“; люди должны были сдавать дань въ монастырь, но серебщина и другіе „поплатки“ оставлены на господаря; ibidem, стр. 137. Наконецъ, въ Гомельскомъ староствѣ числятся одиночные данники, съ которыхъ дань идетъ на церкви, но въ то же время они обложены и господарскими податями. См. XIII т. Актовъ Вил. Ком., стр. 643 сл. Въ уставѣ Бобруйской волости находимъ прямое указаніе по этому поводу: господарь пораздавалъ въ волости людей панамъ, „велели есмо имъ дань медовую на себе (помѣщиковъ) с нихъ (людей) брати, а дань грошовую и бобры и куницы... на насъ давати“. Кн. Зап. Лист., XV, лл. 102—103. По дѣлу Колчичанъ и Зубаревичей, принадлежавшихъ Яну Радивилу и В. Костевичу, господарь присудилъ людямъ отбывать работы съ волостью Бобруйскою, помогать имъ во „всякихъ розметахъ“, — нижли только тые люди маютъ своимъ паномъ дань давати, што на нихъ придеть“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 266 об. Значитъ, господарь давалъ помѣщику съ данниковъ только дань.

[3]) А. Ю.-З. Р., I, 49, 58; А. З. Р., I, 186; Акты Вил. Ком., XIII, р. 337. Арх. Сборн. Вил., VII, 3.

[4]) А. З. Р., I, стр. 113.

другой стороны, если крестьянинъ захочетъ доказать, что онъ имѣетъ право отхода, онъ называетъ себя вольнымъ, похожимъ.

Обращаясь къ источникамъ, которые говорятъ о данникахъ, членахъ волости, нельзя не отмѣтить того общаго впечатлѣнія, выносимаго изъ изученія ихъ, сводящагося къ тому, что члены волостной общины пользовались извѣстнымъ правомъ отхода. Источники нерѣдко упоминаютъ, что крестьяне разошлись изъ волости, расходятся вслѣдствіе притѣсненій намѣстниковъ, расходятся въ большомъ числѣ и не только на сосѣдніе господарскія земли, но и на панскія [1]). Державцы, притѣсняющіе волощанъ, могли бы стѣснить свободу отхода, но, видимо, не принимаютъ къ этому мѣръ, очевидно не считая себя вправѣ.

Правда, правительство иногда принимаетъ мѣры къ возврату ушедшихъ данниковъ, но нельзя не отмѣтить, что мѣры эти скорѣе хозяйственныя, чѣмъ юридическія. Центральное правительство старается унять грабительство воеводы, разошедшимся совѣтуетъ давать льготы, въ случаѣ возвращенія на прежнія мѣста [2]). Положимъ, то же правительство пробуетъ издавать указы о возвращеніи разо-

---

[1]) Въ жалобѣ данниковъ Свислоцкой волости 1534 года говорится: вслѣдствіе тяжкостей „некоторыи люди с тое волости и мѣста нашого розно ся розышли". Акты литовско-русск. госуд., т. I, № 224. Въ Могилевской волости „многіи ся люди с тое волости прочь розошли",—ibidem, № 235. Господарь Сигизмундъ I поручаетъ писарю Ивану Горностаю разслѣдовать тяготы Могилевской волости: „Тежъ которыи люди с тое волости нашое Могилевское с отчызнъ своихъ для обтяженья будуть ся розышли до именей княвскихъ, и панскихъ, и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчызнахъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ воли на колко лѣтъ", ibidem, № 206. Въ Кораевской волости (около 1530 года): „А которыи мужъ пойдеть съ простое земли Кораевское, и онъ (намѣстникъ) куницы береть. То намъ новину учинилъ", ibidem, № 199. Эти факты убѣдительно говорятъ за то, что данники считали себя вправѣ уходить и даже въ Кораевской землѣ выходная куница съ „простой" (крестьянской?) считалась новиною. Уходъ данника изъ города см. ibidem., стр. 146. Въ концѣ XVI вѣка въ Могилевской волости, уже послѣ волочной помѣры, безпрепятственный выходъ дозволялся на зиму, безъ выходнаго; кто убѣгалъ „неоповѣдавшися войту", тотъ тратилъ „домовство" (значитъ „оповѣдавшися" можно было уйти). Кто уходитъ за кривдою врядника, то, по разсмотрѣніи дѣла ревизоромъ, ему должны быть возвращены посѣвы и постройки. Очевидно, уходящихъ не преслѣдовали и старались привлечь ихъ снова на земли. Арх. Сборникъ Вил., I, стр. 193—194. Квалификаціи отхода мы не касаемся; соображенія по этому поводу ср. у *Любавскаго*, Областное дѣленіе и пр.

[2]) См. предыдущ. примѣч.

шедшихся подда́ныхъ, но извѣстныя намъ грамоты по этому поводу исходятъ изъ положеній финансоваго характера, а не юридическихъ. Листъ, данный по жалобѣ бобруйскихъ волощанъ, разказываетъ о „хитрыхъ обычаяхъ“ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ: пользуясь цѣлый годъ землей, нѣкоторые изъ нихъ уходятъ въ другія волости, когда приходитъ срокъ сбора податей, а по прошествіи срока возвращаются вновь на свои земли; нѣкоторые продолжаютъ жить въ сосѣднихъ волостяхъ, но продолжаютъ пользоваться землей Бобруйской волости, не платя податей. Господарь приказываетъ державцамъ не принимать крестьянъ изъ другихъ волостей и разыскивать подданыхъ бобруйскихъ [1]). Но „хитрые обычаи“ бобруянъ своего рода новина; противъ нихъ правительство вводитъ тоже новину — запрещаетъ переходы. Этотъ указъ, изданный по частному случаю (вѣроятно, по просьбѣ волощанъ), не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій. Это—одинъ изъ камней того крѣпостного зданія, стройка котораго завершилась гораздо позже. И этотъ камень не одинъ. Подобнаго рода указъ былъ изданъ по просьбѣ волощанъ могилевскихъ около того же времени, въ 1530 году. Великій князь послалъ своего дворянина по всему княжеству разыскивать разошедшихся подданныхъ Могилевской волости и „моцно выводить“ [2]). Однако, если мы сравнимъ этотъ указъ съ наказомъ посланному дворянину (Ивану Горностаю), то дѣло представляется не столь безнадежнымъ. Горностай долженъ разузнать о кривдахъ подданымъ отъ писарей и подключихъ, учинить людямъ „полечку“ и искать разошедшихся подданыхъ: если

---

[1]) Кн. Зап. Литовск., XV, лл. 172—174 (1533 г.). Ср. толкованіе этой грамоты проф. *Леонтовичемъ*, Крестьянскій дворъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 года, ноябрь, стр. 201.

[2]) „Княземъ нашымъ и паномъ воеводамъ и старостамъ, наместникомъ и тивуномъ, княгинямъ и панямъ въдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашымъ по отчизне нашой великому князьству Литовскому. Приходили къ намъ люди нашы Могилевское волости и поведили передъ нами, штожъ дей многие люди наши Могилевцы з отчызнъ своихъ розышлися прочъ и мешкають по местомъ и доромъ и именямъ вашымъ. Ино мы для того послали тамъ двореннна нашого, а прото: где колвекъ онъ тыхъ людей нашыхъ найдеть, приказуетъ вамъ, ажъ бы есте ему ихъ выдавали со всими ихъ статки, с чимъ будуть за кого зашли. Паклижъ бы есте тыхъ людей нашыхъ ему выдавати не хотели, мы казали тому дворенину нашому тыхъ всихъ людей нашихъ, где колвекъ нашодши, оттоля моцно выводити и за ся на ихъ отчизнахъ осаживати. И вы бы тому дворенину нашому противни не были конечно, а бы то инакъ не было. Писанъ у Кракове“, 14-го августа 1530 г. Кн. Зап.-Литовск. XVII, л. 2 об.

кто изъ послѣднихъ *захочетъ* возвратиться на свои отчизны, то Горностай долженъ давать льготы [1]). Сказаннаго совершенно достаточно для нашей цѣли. Та часть крестьянства, которая извѣстна подъ названіемъ данниковъ, имѣла право выхода (конечно, обставленное извѣстными формальностями). Въ чисто финансовыхъ цѣляхъ правительство принимаетъ мѣры противъ переходовъ, по настоянію остающихся данниковъ волости; но мѣры эти направлялись не столько противъ права отхода, сколько противъ обхода формальностей послѣдняго, нарушавшихъ платежную силу волости. Разумѣется, эти мѣры прокладывали дорогу къ закрѣпощенію, но въ разсматриваемое время не могли еще имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому, что данники пользовались правомъ перехода. Если это право ограничивали. если данниковъ стараются законно и незаконно удержать, то вѣдь надо помнить, что первая половина XVI вѣка—время закрѣпощенія; вѣдь стараются же помѣщики этого времени стѣснить и переходъ вольныхъ похожихъ людей, заключаютъ съ этою цѣлью договоры между собою и пр. [2]), а между тѣмъ не можемъ же мы сомнѣваться въ существованіи права перехода вольныхъ людей. Если мы встрѣчаемъ передачу данниковъ отъ господаря частному лицу, или передачу ихъ по наслѣдству, то вѣдь передаются точно также и вольные похожіе люди, бояре путные и пр. [3]), права перехода которыхъ не отрицали ни современники. ни современные намъ изслѣдователи. Далѣе, само понятіе похожаго человѣка указываетъ только на одну юридическую сторону личности крестьянина, но не объясняетъ его повинностнаго отношенія къ землѣ и помѣщику. Перехожій человѣкъ, могъ, конечно, сдѣлаться и наемникомъ и тяглецомъ, но могъ быть и данникомъ. Но если онъ возьмется за тягло,—онъ непремѣнно потеряетъ право перехода—это мы знаемъ навѣрное; садясь на дань, куницу или чиншъ, онъ, повидимому, не терялъ права уйдти. Нельзя не обратить также вниманія на то. что на господарскихъ земляхъ нигдѣ не упоминаются вольные перехожіе люди: древнѣйшіе инвентари,—до волочной помѣры, знаютъ только на господарскихъ земляхъ тяглыхъ. данни-

---

[1]) Акты литовско-русск. госуд., № 206.

[2]) А. Ю.-З. Р., I, стр. 79. Въ Брацлавщину и Каневщину въ половинѣ XVI вѣка король посылаетъ, напримѣръ, Яна Волчковича для формальнаго прикрѣпленія крестьянъ.

[3]) Ср., напримѣръ, пожалованія Arch. ks. Sang.. III, 96, 132 и др.

ковъ, или куничниковъ, челядь, бортниковъ и пр. спеціальныя службы. Трудно было бы предполагать, что до насъ случайно дошли именно тѣ описанія имѣній, гдѣ не было перехожихъ людей даже, например, въ Оршанской волости, гдѣ во главѣ данниковъ показанъ старецъ и въ волости, которая лежала въ центрѣ тѣхъ самыхъ Поднѣпрскихъ волостей, гдѣ такъ много было на господарскихъ земляхъ данниковъ. Скорѣе всего предположить другую возможность,—что крестьяне, имѣющіе право перехода, скрыты въ описаніяхъ подъ другими терминами, и именно подъ терминомъ данниковъ. Для помѣщика, составлявшаго инвентарь, важны вѣдь были крестьяне не по своимъ юридическимъ правамъ, о которыхъ онъ охотно забывалъ, а ихъ повинностныя отношенія къ нему.

Вопросъ о юридической природѣ данниковъ выходитъ нѣсколько за предѣлы нашей статьи. Тѣмъ болѣе побочнымъ является для насъ сложный вопросъ о томъ, почему данниковъ, и при томъ связанныхъ общинными интересами, мы встрѣчаемъ по преимуществу въ восточныхъ областяхъ. Впрочемъ, географически данники прикрѣпляются не къ однимъ восточнымъ областямъ. Мы ихъ встрѣчаемъ въ мѣстностяхъ бывшаго Пинскаго княжества [1]), на Жмуди и Литвѣ [2]), на Волыни [3]), въ Новгородскомъ воеводствѣ [4]), въ Подляхіи [5]) и др. Для насъ, слѣдовательно, ясно, что данники, какъ извѣстная разновидность земледѣльческаго сословія, встрѣчаются повсемѣстно въ литовско-русскихъ областяхъ. Но въ такомъ случаѣ вопросъ сводится къ тому, почему же въ нашихъ источникахъ выступаютъ съ сильно развитымъ сознаніемъ волостной солидарности крестьяне восточныхъ областей, не имѣемъ ли мы здѣсь чисто случайнаго явленія: быть можетъ, время сохранило намъ документы одной только мѣстности. Разумѣется, трудно ручаться за полноту матеріала, но книги господарской канцеляріи, сохранившія намъ господарскіе выроки и уставы восточнымъ волостямъ, имѣютъ общегосударственное значеніе, почему въ нихъ вошли бы и документы другихъ мѣстностей. Проявленіе волостной

[1]) Ревизія и пр., 65, 71, 102 и др.

[2]) Акты Вил. Арх. Ком., XIV, 11; А. Ю.-З. Р., I, 298; Акты Литовско-русскаго государства, II, стр. 116.

[3]) Архивъ Юго.-З. Р., ч. VI, 8, I, стр. I,; Arch. ks. Sang., III, 78; ср. инвентарь Ратненскаго староства, въ VII ч. 2 т. Арх. Юг.-З. Р.

[4]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 337.

[5]) См., напримѣръ, *Леонтовичъ*, Акты, I, № 379, № 384.

солидарности восточныхъ областей—не случайность; оно—результатъ особенностей экономической и политической жизни этихъ мѣстностей, наконецъ, даже географическаго ихъ положенія. Жизнь здѣсь слагалась при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ на западѣ. Въ западныхъ и отчасти юго-западныхъ областяхъ условія жизни слагались такъ, что экономическое развитие страны шло болѣе быстрыми шагами, чѣмъ на востокѣ.

Отдѣленіе города отъ земли началось здѣсь съ конца XIV вѣка; въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка здѣсь уже широко распространяется волочная помѣра; сотни городковъ и селъ организованы на магдебургскомъ правѣ. Великокняжеское хозяйство строится по образцу крупныхъ владѣній. Сельско-хозяйственная система того времени состояла въ дворцовомъ хозяйствѣ, а послѣднее требовало большаго числа рабочихъ рукъ, которое не могло быть удовлетворено рабскимъ трудомъ. Въ половинѣ XV вѣка Литва и отчасти Подляхія покрыты были господарскими дворами, въ которыхъ скоплялось сбожье, сработанное крѣпостнымъ и рабскимъ трудомъ на великокняжескихъ земляхъ, или свезенное въ видѣ дякла. И этотъ хлѣбъ находилъ себѣ сбытъ: многочисленный велико-княжескій дворъ пребывалъ въ западныхъ областяхъ, перекочевывая изъ столицы въ Польшу и обратно, истребляя по пути и въ столицѣ запасы. Остатки хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ находили себѣ сбытъ опять-таки на западѣ, гдѣ Нѣманъ сосредоточивалъ на своихъ водахъ хлѣбную торговлю. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что господарь Литвы и Руси былъ въ то же время и крупнымъ купцомъ. Ему не было расчета устраивать дворы и собирать хлѣбъ въ восточныхъ областяхъ, гдѣ добывался болѣе дорогой продуктъ медъ (усиленный вывозъ хлѣбныхъ и лѣсныхъ товаровъ, требовавшихъ также рабочихъ рукъ, начинается только къ половинѣ XVI вѣка). Затѣмъ надо имѣть въ виду, что и политическая самостоятельность восточныхъ областей продолжалась дольше, и по сліяніи съ Литвой эти области имѣли больше правъ, чѣмъ на западѣ. Что касается частнаго землевладѣнія, то въ немъ на западѣ замѣчается особенность, отсутствующая на востокѣ и югѣ. Рядомъ съ небольшимъ числомъ весьма крупныхъ владѣній, на которыхъ могла продолжаться общинная жизнь, — существуетъ масса мелкой шляхты, имѣющей по нѣскольку крестьянскихъ дворовъ; средины нѣтъ, а мелкое землевладѣніе разрушало общину.

Всѣ эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ цѣлью указать на то, что на западѣ было больше причинъ, ведшихъ крестьянство въ зависимое

положеніе, чѣмъ на востокѣ. Но различіе хода экономической жизни не даетъ повода думать, что и въ западныхъ областяхъ (по крайней мѣрѣ, русскихъ) не была развита община въ той или иной формѣ въ болѣе ранній періодъ. Мы застаемъ волостную общину на востокѣ въ моментъ ея агоніи. На западѣ мы видимъ тѣ же черты общинной жизни, хотя слабѣе выраженныя. Напомнимъ, что и здѣсь мы встрѣчаемъ разряды данниковъ, во главѣ ихъ старцевъ, общія угодья, наконецъ общность экономическихъ интересовъ. Все это слабѣе, чѣмъ на востокѣ, но вѣдь здѣсь крѣпостничество появилось раньше, и тѣ условія экономической жизни, которыя развились здѣсь къ концу XV и началу XVI вѣковъ, на востокѣ установились цѣлымъ столѣтіемъ позже—къ концу XVI и началу XVII вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ люстраціямъ восточныхъ областей половины XVI вѣка, хотя такихъ памятниковъ дошло до насъ очень немного, то окажется, что эти волости всплошную заселены данниками [1]). Между тѣмъ нельзя того же сказать о западныхъ областяхъ. Въ древнѣйшей люстраціи Житомира данники сидятъ среди земледѣльческаго населенія другихъ разрядовъ [2]); въ частныхъ и даже господарскихъ имѣніяхъ Полѣсья данники иногда сидятъ по одному-два человѣка среди тяглаго населенія [3]).

Однимъ словомъ, тотъ классъ земледѣльческаго населенія, среди котораго въ началѣ XVI вѣка встрѣчается наиболѣе опредѣленное проявленіе общинной солидарности, классъ данниковъ,—извѣстенъ повсемѣстно въ литовско-русскомъ государствѣ. Этотъ разрядъ не новаго происхожденія, а древняго (въ этомъ отношеніи онъ отличается, вѣроятно, отъ куничниковъ и навѣрно отъ чиншевиковъ). Ему одинаково вездѣ была извѣстная общинная организація, но слабость ея проявленій въ западныхъ областяхъ объясняется здѣсь болѣе интенсивнымъ ростомъ экономической жизни.

Наша статья не будетъ исчерпывающею вопросъ, если мы не

---

[1]) Напримѣръ, Гомельское староство, въ Актахъ Вил. Арх. Ком., т. XIII, стр 343, Остерскій замокъ, Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. I, стр. 597 сл., Мозырская и Бчицкая волости, ibidem, стр. 624 и сл. Оршанскій замокъ въ Актахъ Лит.-русск. госуд., т. II.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. 2, стр. 11.

[3]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, passim. Впрочемъ, ср. люстрацію Рагневскаго староства, гдѣ элементъ данниковъ преобладаетъ, Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. II, стр. 275.

дополнимъ ея свѣдѣніями объ общинѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и о проявленіяхъ общинной жизни среди другихъ разрядовъ тяглецовъ. Правда, состояніе извѣстныхъ намъ источниковъ не позволитъ коснуться обоихъ вопросовъ сколько нибудь подробно. Но сдѣлаемъ, что можно.

Прежде всего является предположеніе: не слѣдуетъ ли приписывать данникамъ на частновладѣльческой землѣ точно такую же общинную организацію. какъ и у данниковъ господарскихъ. Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, но есть признаки, подсказывающіе утвердительный отвѣтъ.—разумѣется, разъ данники составляютъ цѣлое село или волость на землѣ помѣщика. Нельзя, напримѣръ, не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Волость Радошковская принадлежала Гаштольтамъ. Описана волость была въ 1549 г. (по случаю перехода волости къ великому князю, какъ вымороченной). Въ ней были люди разныхъ разрядовъ. Люди тяглые, куничники, бобровники описаны очень подробно: показанъ ихъ инвентарь. количество земли подъ каждою службою, размѣры податей и повинностей съ каждаго. Во главѣ тяглецовъ и даже куничниковъ въ волости тивунъ и пристава. Совершенно выдѣлены въ этомъ описаніи данники — они составляютъ волость въ волости. Они посчитаны по дымамъ, а не по службамъ, указанъ ихъ хозяйственный инвентарь и дань медовая съ дыма. Весьма любопытно. что во главѣ ихъ стоитъ старецъ. Вся волость данниковъ имѣетъ свой млынъ на рѣкѣ Ушѣ, который они сами себѣ устроили и на которомъ мелютъ только они. Среди населенія, въ общемъ довольно зажиточнаго, есть и такіе, которые ничего не имѣютъ. хотя даютъ медовую дань. Однако оказывается, что у нихъ существуетъ, помимо люстраціонной, своя раскладка подати. почему и за убогихъ взимаютъ дань медовую. Другія подати и совсѣмъ не расписаны по дымамъ: куничные пенези, бобровые, овесъ. ленъ. бѣлки, яловицы, воскъ—даетъ вся волость. Это старыя подати, а новый налогъ, установленный пани Гаштольтовою. врядникъ взимаетъ уже съ дыму. Волость далѣе имѣетъ свою церковь. Что касается земли, то тѣ самые люстраторы, которые тщательно высчитали количество земли подъ тяглыми службами. по отношенію къ данникамъ поступили иначе; они указали на общее количество земли, принадлежавшей Реваницкимъ данникамъ, — миля поперекъ и три мили въ длину. въ одномъ кускѣ. Нельзя думать, чтобы эти данники не пахали, занимаясь только пчеловодствомъ: довольно большое количество сохъ, воловъ и лошадей при каждомъ дымѣ прямо указываетъ

на то, что мы имѣемъ передъ собою хлѣбопашцевъ [1]). Къ землѣ, на которой сидѣли данники, ревизоры не такъ внимательно отнеслись, какъ къ тяглой; это слѣдуетъ поставить на видъ, но дѣлать отсюда опредѣленный выводъ, при отсутствіи другихъ данныхъ,—воздержимся.

Возьмемъ другой примѣръ—частновладѣльческое имѣніе Титовяны, въ Литвѣ. Тяглые люди описаны въ немъ отдѣльно отъ двухъ селъ данниковъ; при каждой службѣ тяглыхъ обозначено количество податей и повинностей; при данникахъ только ихъ хозяйственный инвентарь. Не знаемъ, кто стоялъ во главѣ данниковъ, но тяглые люди названы „тивунскими". то-есть, они управлялись помѣщичьимъ тивуномъ; данники же платятъ тивунщину, — откупъ отъ тивуна. Далѣе, дань съ каждаго села обозначена общею суммою; изъ 49 дымовъ села Гнѣздиловичъ выходятъ на сѣнокосъ 7 человѣкъ; осенью — два человѣка являются ко двору съ топоромъ. Все это предполагаетъ разверстку податей и повинностей. Она и была: „Котораяжъ тая дань,—говоритъ люстрація послѣ указанія общей суммы ея съ села,—изъ тое части, кому ся достанетъ, по особну изъ оныхъ данниковъ брана быти маетъ" [2]). Помѣщикъ знаетъ только общую сумму дани съ села, разверстка производится самимъ селомъ; но разрубный списокъ, видимо, предъявлялся помѣщику или его урядику, потому что съ каждаго хозяина взималась дань отдѣльно; понятно, помѣщику послѣднее выгодно: онъ получитъ пищее, „за данью" и пр.

Такимъ образомъ община данниковъ, такъ или иначе оказавшаяся на помѣщичьей землѣ, не сразу теряла свои особенности [3]). И когда читаешь въ приказаніи виленскихъ крылошанъ старцу ихъ имѣнія Каменицкаго угрозы за неисполненіе приказаній, то чувствуется, что они обращаются не къ своему приказнику, а къ общинному выборному, который находится между двухъ огней—помѣщикомъ и своими однообщинниками [4]).

---

[1]) Акты Лит.-русск. госуд., II, стр. 90—119.

[2]) Акты Вил. Арх. Ком., XIV, стр. 11.

[3]) Юрій Зеновьевичъ, записывая данниковъ на Кіево-Печерскій монастырь, говоритъ: „а возити тымъ людемъ тую дань и тые грошы самымъ къ дому Пречистое, какъ и передъ тымъ важивали", А. З. Р., I, 105.

[4]) Вил. Археогр. Сборн., т. I, 133. Разумѣется, единообразія на помѣщичьихъ земляхъ ожидать нельзя. Ср., напр., инвентарь Мядельской волости 1545 г.: во главѣ волостныхъ людей стоитъ старецъ; по данямъ, волостные люди Мядела — данники, но подѣлены по службамъ, съ извѣстнымъ количествомъ земли при каждой; они уже отбываютъ тягло по одному дню въ недѣлю. Тѣмъ не менѣе данники Мядела отличаются отъ тяглыхъ дворскихъ людей съ тивунами во главѣ,

Намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на проявленіи общинной жизни среди другихъ разрядовъ тяглецовъ. Положеніе паробковъ, тяглыхъ данниковъ, дойлидовъ, даже слугъ путныхъ было не таково, чтобы способствовать той или иной формѣ общинной жизни. Эти разряды находились въ бóльшей личной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, не составляли такой сплоченной массы населенія, какъ данники, потому что паробки, слуги, дойлиды и пр. находились въ небольшомъ количествѣ при господарскихъ или помѣщичьихъ дворахъ. Можно указать лишь на то, что и среди этихъ разрядовъ встрѣчаются признаки общинной организаціи, вызываемой общностью ихъ повинностныхъ отношеній. Путные бояре иногда цѣлою общиной отстаиваютъ свои юридическія права, когда намѣстникъ ихъ тянетъ въ тягло, паробки, кобыльники слѣдятъ за равномѣрнымъ отбываніемъ общихъ повинностей тѣми изъ своихъ сосѣдей, которые уклоняются отъ нихъ [1]) и пр. Источники не даютъ возможности сказать, скры-

---

Акты Литовско-русскаго госуд., II, 75. Ср. еще интересное описаніе Кереноенскаго двора (имѣніе Гаштольдовъ). Данники строго разграничены отъ людей тяглыхъ и др. Тяглые люди находятся подъ приставами, паробки подъ тивунами, данники—подъ старцемъ. Земли у данниковъ „отчизныя", дань опредѣляется общею суммою. Арх. Сборн. Вил., VII, стр. 15—17. Ср. Кейданы, ibid., стр. 12—15.

[1]) Такъ 1551 г. слуги путные Полоцкаго повѣта возбудили дѣло противъ бояръ и мѣщанъ полоцкихъ. Слуги жаловались на то, что шляхтичи и мѣщане скупаютъ земли у ихъ потужниковъ-слугъ и не несутъ соотвѣтственныхъ повинностей съ пріобрѣтенныхъ земель. Слуги опирались на привилей, разрѣшающій имъ покупать земли у шляхты. Послѣдняя и мѣщане ссылались на земскій привилей, по которому они имѣютъ право покупать земли у путныхъ людей. Судъ призналъ, что земскій привилей важнѣе, потому что онъ древнѣе привилея путнымъ слугамъ. Но окончательному рѣшенію придана была такая формулировка: шляхта и мѣщане могутъ покупать у путныхъ слугъ земли, но должны нести съ путныхъ земель соотвѣтственныя повинности; въ свою очередь, путные слуги, купившіе шляхетскія земли, несутъ съ послѣднихъ шляхетскія повинности. Книга Судн. Дѣлъ Литовск., № XXIV, л. 121—122.

Въ 1532 г. кобыльники Домановляне жаловались господарю на своихъ поплечниковъ по тяглу Ваську Яковлевича и Еску Кузмича и др. „о томъ, штожъ они всякую службу посполъ з нами служать и доходы дають, а теперъ не хотять з нами дороги теребити". На судѣ выяснилось, что всѣ кобыльники обязаны теребить дорогу вмѣстѣ. Кн. Зап. Лит., XVI, л. 51 об.—52.

Интересна еще жалоба селецкихъ паробковъ. Они жаловались воеводѣ витебскому на Кучку Ортеша въ томъ, что послѣдній служилъ раньше съ ними, а теперь не служитъ. Кучка заявилъ, что „купилъ есми паробка на имя Андрея Петровича, поплечника" и поставилъ, съ разрѣшенія прежняго воеводы Сапѣги, на свое мѣсто. При этомъ онъ представилъ листъ купчій и разрѣшеніе воеводы. Воевода нашелъ его правымъ. Кн. Зап. Литовск., XVI, л. 27.

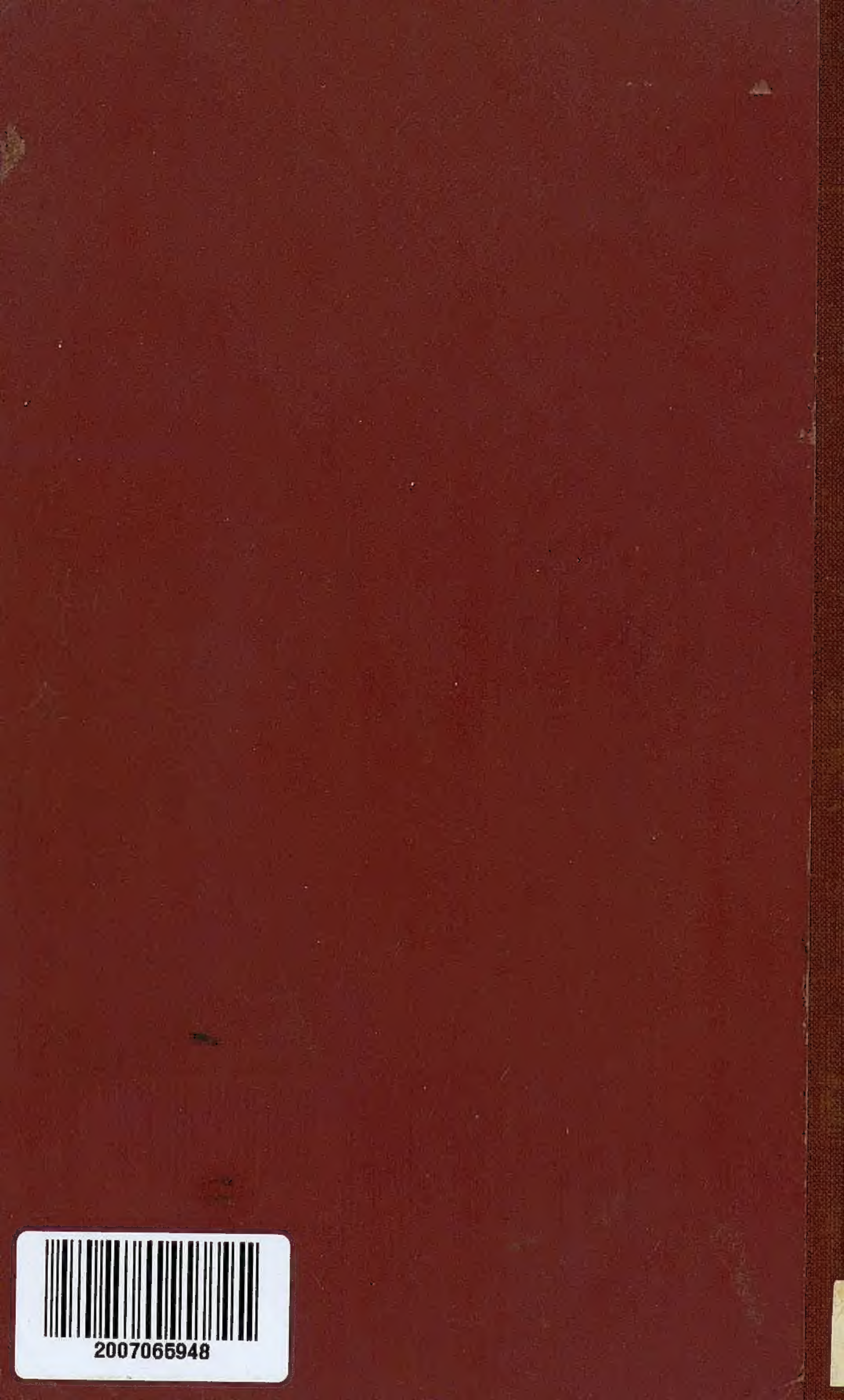
валась ли въ средѣ низшихъ разрядовъ болѣе прочная организація за этими примитивными формами общественной солидарности.

На этомъ мы закончимъ наши замѣчанія объ исторіи крестьянской общины въ Западной Россіи. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ подвести краткіе итоги сказанному.

Въ нашу задачу не входитъ вопросъ о происхожденіи западнорусской общины. Послѣдній вопросъ, имѣющій общее принципіальное значеніе, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи однихъ западнорусскихъ источниковъ, вслѣдствіе ихъ недостаточности. Мы разсматривали общину въ первой половинѣ XVI в., то-есть, какъ разъ въ такое время, когда условія общегосударственной экономической жизни дѣлаютъ ее весьма замѣтною въ государствѣ. Это происходитъ отъ того, что крѣпостническія тенденціи шляхты сталкиваются съ такими формами крестьянскаго быта, которыя находятся въ полномъ противорѣчіи съ шляхетскимъ аппетитомъ. Въ руки мѣстныхъ управителей изъ шляхты попадаютъ, въ видѣ держанья или аренды господарскія волости. Управленіе понимается въ смыслѣ собиранія доходовъ, наживы. Понятно, что намѣстникомъ дѣлается все, чтобы увеличить доходность управляемой волости. Суды, въѣзды, стаціи и др. повинности служатъ предметомъ вымогательствъ. Но пока державца стоитъ лицомъ къ лицу съ цѣлою общиной, дѣятельность его встрѣчаетъ противодѣйствіе въ общинной организаціи, въ „старинѣ“ общины. Устранить эти препятствія можно только тѣмъ, чтобы поставить каждаго пахаря лицомъ къ лицу съ мѣстною властью. Къ этому клонится работа мѣстныхъ органовъ и идетъ весьма успѣшно, разрушая общину съ ея стариной и уставами. На ряду съ этою личною борьбой двухъ общественныхъ элементовъ паденію общиннаго строя помогаетъ уменьшеніе общины путемъ выдѣла изъ нея земель въ частныя владѣнія и вслѣдствіе выдѣленія города изъ волости. Центральное правительство еще въ тридцатыхъ годахъ проявляетъ достаточно консерватизма по отношенію къ волости, доказательствомъ чего служитъ рядъ уставовъ. Но не только вліяніе мѣстной администраціи на центральную, а весь ходъ экономической жизни страны долженъ былъ привести правительство къ необходимости реформировать податныя отношенія волости. Разбредающееся, уменьшенное раздачами въ числѣ, обѣднѣвшее населеніе не могло удовлетворять, при старой системѣ, возрастающимъ нуждамъ истощенной господарской казны. Реформа, въ видѣ волочной помѣры и пописы службъ, гдѣ первая не была введена, поставила крестьянина лицомъ къ лицу съ скарбомъ. Этир еформы

довершили разложеніе общины, подготовленное предшествующею жизнью. Въ самомъ дѣлѣ къ концу XVI вѣка проявленія общинной жизни замираютъ.

Что касается внутренняго строя общины, то намъ нѣтъ нужды повторять то, что сказано по этому поводу въ предыдущемъ изложеніи. Община имѣла своего выборнаго главу, въ извѣстной мѣрѣ судъ, имѣла общее недвижимое имущество, имѣла свои волостные доходы и расходы. Во владѣніи общины находились также сельскохозяйственныя угодья, а иногда и роспаши. Но власть общины не простиралась на землю, отведенную каждому отдѣльному дворищу, хотя и въ данномъ случаѣ за общиной признавалось право на тотъ или иной передѣлъ земли, въ экстренныхъ случаяхъ. Главная основа общины, такимъ образомъ, административно-финансовая организація. Въ податномъ отношеніи община представляла самостоятельную единицу; она пользовалась правомъ раскладки господарскихъ и отчасти волостныхъ податей, хотя право это и подвергалось ограниченіямъ со стороны административной опеки. Общинная организація преимущественно проявлялась среди такъ называемыхъ данниковъ. Послѣдній разрядъ крестьянства въ изучаемое время сплошною массою населяетъ поднѣпрскія волости, но онъ извѣстенъ повсемѣстно въ Западной Руси и Литвѣ. Въ послѣднихъ областяхъ онъ раньше теряетъ общинную организацію вслѣдствіе иныхъ экономическихъ условій жизни этихъ мѣстностей.


2007065948